

Бесплатно

и 27.616

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

На правах рукописи

КРИКМАНН АРВО АРНОЛЬДОВИЧ

**К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ
И МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОСЛОВИЦ**

Специальность № 10.01.09. Фольклористика

Диссертация написана на эстонском языке

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Таллин 1975

2+1

11.01.016
АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

На правах рукописи

КРИКМАНН АРВО АРНОЛЬДОВИЧ

**К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ
И МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОСЛОВИЦ**

Специальность № 10.01.09. Фольклористика

Диссертация написана на эстонском языке

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Таллин 1975

Работа выполнена при Институте языка и литературы Академии наук ЭССР.

Научный руководитель — кандидат филологических наук Ю. Тедре.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Э. Лаугасте,

кандидат философских наук Л. Вальт,

кандидат филологических наук Х. Ыйм.

Ведущее высшее учебное заведение — Тартуский государственный университет.

Автореферат разослан « » 1975 г.

Защита диссертации состоится « » 1975 г. в . . . час^{ов} на заседании Совета по историческим и филологическим наукам Отделения общественных наук АН ЭССР (г. Таллин, ул. Сакала 3).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке АН ЭССР (г. Таллин, бульвар Ленина 10).

Отзывы на автореферат в 2-х экз. просим направлять по адресу: 200 105, г. Таллин, ул. Сакала 3. Отделение общественных наук АН ЭССР.

Ученый секретарь Совета

В. Бойков

В работе рассматриваются некоторые проблемы и трудности, возникающие при исследовании идейного содержания и мировоззрения пословиц. Разработка сосредоточена на методике исследования и ее цель показать, что описание идейного содержания пословиц является методически гораздо более сложной задачей, чем до сих пор это обычно представляли в паремииологии, а также продемонстрировать некоторые аспекты одной из основных осложнений — семантической неопределенности пословицы.

Работа написана в аспирантуре при Институте языка и литературы АН Эстонской ССР в 1970—1972 гг. Смелость для написания работы дало участие автора в 1964—1969 гг. в составлении научного издания эстонских пословиц, в ходе которого накопились наблюдения по семантике пословиц.

Глава I

СОВЕТСКИЕ АВТОРЫ ОБ ИДЕЙНОМ СОДЕРЖАНИИ И МИРОВОЗЗРЕНИИ ПОСЛОВИЦ

1. Источники

В работе реферируются точки зрения следующих источников: (1) книга Н. Ф. Бабушкина «О марксистско-ленинских основах теории народно-поэтического творчества»; (2) некоторые более обширные разработки по мировоззрению фольклора: «Философия и фольклор» В. И. Чернова и «Некоторые вопросы мировоззрения народа в белорусском дореволюционном фольклоре» А. И. Самая; (3) авторефераты диссертаций, рассматривающих содержание и мировоззрение пословиц (Э. Кокаре, С. Омарбаев); (4) некоторые обзоры пословиц того или другого народа, изданные самостоятельными брошюрами (С. Ибатов, Р. И. Музафаров); (5) отдельные статьи в научных изданиях, рассматривающие пословицы в различных аспектах (В. П. Аникин, Г. Н. Волков, И. Левин, Э. Норманн, Г. Г. Шаповалова и др.); (6) главы, посвященные пословицам в обзорных произведениях по фольклору и в учебниках для высших учебных заведений (В. П. Адрианова-

Перетц, В. П. Аникин, С. Ф. Баранов, Л. Г. Орлов, Л. Раудсеп, В. И. Чичеров, Г. Г. Шаповалова, М. И. Шахнович, П. Г. Ширяева); (7) вводные статьи, послесловия и предисловия к сборникам пословиц или другим публикациям текстов (В. П. Аникин, Ц. Б. Будаев, М. Булатов, Н. В. Водовозов, А. А. Гердт, Л. В. Домановский, А. М. Жигулев, В. Кафаров, Б. П. Кирдан, Э. Кокаре, В. И. Курылев, Г. Макаров, Д. Молдавский, А. Назаревич, Э. Норманн, М. Т. Пинаев, Б. Н. Путилов, Б. М. Ховратович, С. А. Червяковский, В. И. Чичеров и др.); (8) некоторые более объемные разработки, исследующие атеистические и религиозные тенденции как непосредственно в пословицах (Г. Нагорный), так и в фольклоре вообще (А. И. Лазарев); после- и предисловия к сборникам антирелигиозного фольклора (С. И. Василенок, А. М. Жигулев); (9) заметки о пословицах в некоторых других работах, затрагивающих, например, эстетику фольклора (К. С. Давлетов), первобытную мифологию и философию (М. И. Шахнович), вопросы литературы (Х. Сиймискер) и т. п. — всего примерно 60 наименований.

2. Точки зрения

Исходя из общей оценки, данной мировоззрению пословиц, в пределах рассмотренного материала можно выделить три разные концепции.

1. (Большинство авторов): в пословицах выражается мировоззрение народа и оно является в основном прогрессивным (социально критическим и борющимся, атеистическим, патристическим, оптимистическим, этически высоким, стихийно материалистическим), хотя, с другой стороны, и носит некоторые следы консерватизма и ограниченности, а также идеологические влияния господствующих классов.

2. (К. С. Давлетов и Х. Сиймискер): в пословицах выражается мировоззрение народа и оно является своеобразным и натуральным мировоззрением, притом в основном консервативным (осторожным, проповедующим средний путь и конформизм); такое отношение к жизни является вполне естественной самозащитной реакцией на необыкновенно жесткие социальные условия, отражением которых пословица является.

3. (И. Левин): в пословицах вовсе не выражаются склад ума и взгляды народа, по крайней мере их нельзя вычитать из содержания самих текстов пословиц.

В работе детально реферируются отдельные тезисы, выдвинутые в рамках каждой концепции. Приведем краткое изложение этого реферата.

1. Доминирующая концепция.

А. Общая проблематика тематики пословиц; положительно оцениваемые тенденции в идейном содержании пословиц.

1. Оценки и заметки о сущности, источниках и значении пословиц.

Пословицы отражают ум, находчивость, смекалку народа, мастерство словесного искусства. Они обобщают огромный жизненный и социально-исторический опыт трудового народа во всей его многогранности, выражают мировоззрение народных масс (чувства, мысли, идеалы, стремления). В пословицах отражаются быт и домашнее хозяйство народа, его героическое прошлое и исторические события.

2. Тема народа и родины. Проявления национального характера. Отношение к другим народам. Установка по отношению к войнам.

В пословицах отражается мощь народа, его величие и вера в свои силы. Они свидетельствуют о глубоком патриотизме народа, прославляющего родину и предпочитающего ее чужбине. Раскрываются типичные черты национального характера: ум, находчивость, стойкость, оптимизм и т. п. Выражается идея дружбы народов, уважение и любовь малых народов к великому русскому народу. Показывается миролюбие народа, отрицательное отношение к войне, а с другой стороны, его ненависть к иноземным захватчикам, готовность защитить свою родину, героизм, смелость и мужественность.

3. Отражение социальных условий и отношений, социальный протест. Пословицы как орудие классовой борьбы. Антирелигиозная и антицерковная установка пословиц.

В пословицах отражается социальное насилие, материальное неравенство, бесправное и безнадёжное положение, горе и бедность народа. Выражается гнев и протест против социальной несправедливости и угнетения. Пословицы обличают классовых врагов рабочего народа, создают их остро сатирические образы, осуждают жестокость, жадность, своеволие, подлость, паразитизм помещиков (баев, ханов и др.); жажду наживы, пьянство, разврат, лицемерие, безграмотность и тупость священников; продажность царских чиновников, особенно судей, их бюрократизм и несправедливость. Отмечается связь между священниками и помещиками. Показывается скепсис народа по отношению к религии, его стихийный атеизм, декларирование человеческого выше божественного, непочтительное отношение к богу и церкви. Отражается двойное отношение крестьянства к собственности. Во время перехода к капитализму особенно много возникает пословиц, говорящих о важности и власти денег в классовом обществе; в пословицах этой эпохи отражается социальная дифференциация внутри самого крестьянства, антагонизм хозяина и батрака, безысходность батрачества, гнев народа против кулаков и их пособников. Звучит чувство морального превосходства рабочего народа над эксплуататорами, достоинство народа и чувство хозяина. Существенное место в пословицах занимает тема классовой борьбы; пословицы всегда служили острым оружием в классовой борьбе, помогали формированию и отражали развитие классового сознания народных масс. В более поздний период, наряду с пословицами, в которых звучит критика, возникают и другие — с прямыми угрозами классовым врагам, прямыми призывами к активному сопротивлению. Вместе с пролетариатом рождаются пролетарские пословицы, преимущественно политического содержания, отражающие противоречия капиталистического производства, жестокость капиталистической эксплуатации, трудные условия жизни рабочих, их ненависть к капиталистам и т. п.

4. Ожидания и надежды народа. Оптимистичность основной настроенности пословиц.

В пословицах отражаются ожидания и надежды народа, мечты о счастье, лучшей жизни, вольном труде. Выражается социально-исторический оптимизм народа, вера в лучшее будущее, в победу справедливости, равенства и свободы.

5. Моральные и социальные аспекты труда.

Пословицы отражают трудовой опыт народа, подчеркивают значение труда как источника всех материальных благ, представляют труд как мерилло человеческих ценностей. Показывается уважение и любовь к труду и рабочему человеку, представляют трудовые идеалы народа (мастерство, настойчивость, старательность и т. п.). Отражается двойкий характер труда в классовом обществе.

6. Оценки поведения человека, его психических и интеллектуальных качеств. Этические проблемы.

Пословицы открывают высокие этические идеалы народа, высоко оценивают и проповедают положительные нравственные и интеллектуальные качества и формы поведения (например, ум, учение, образование, находчивость, настойчивость, целеустремленность, смелость и мужество, честность, правдолюбие, справедливость, единогласие и чувство коллективности, внимательность, дружбу и товарищество и т. д.). Пословицы осуждают (разоблачают, высмеивают) порочные черты характера и поведения, нравственные и интеллектуальные недостатки (например, глупость и тупость, ленивость и дармоедство, поспешность, необдуманность, трусость, угодничество, эгоизм и замкнутость в себе, высокомерие и самоуверенность, воровство, обман и лживость, бесчестие и предательство, коварность и лицемерие, зависть, скупость и жадность, хвастовство, болтливость, пьянство и т. д.).

7. Любовь и брак. Семья, дом, воспитание детей. Роды и возрасты.

Пословицы возвеличивают любовь, показывают ее глубину и силу, дают критерии для оценки своей любимой (любимого) и для выбора жизненного спутника, требуют серьезного отношения к любви. Отражаются взгляды народа на проблемы семейной жизни: подчеркивается значение семейной дружбы и единогласия, счастливого брака, требуют уважения к жене, равенства мужа и жены. Выражается глубокое уважение и любовь к матери, пословицы возвеличивают силу материнской любви. Представлены педагогические принципы и идеалы народа (своевременность, пример родителей и т. д.), требуют уважения к родителям и к пожилым людям вообще.

8. Здоровье. Медицина и гигиена.

Подчеркивается значение здоровья, оно считается дороже богатства. Пословицы говорят о причинах болезней, дают указания для их лечения, требуют чистоты и чистоплотности.

9. Домоводство, конкретные виды труда. Наблюдения над природой.

Пословицы с такой тематикой по происхождению принадлежат вообще к наиболее древним. В пословицах отражены результаты наблюдений над природой и трудовой опыт народа, в первую очередь они представляют картину мира крестьянина-земледелца. С одной стороны, отражается тесный контакт крестьянина с природой, с другой же — его зависимость от причуд природы. Представляется множество наблюдений о существующих в природе законо-

мерностях и связях, особенно предсказания явлений природы; оформляется обширный агрономический календарь. Пословицы подчеркивают необходимость тщательного земледелия, дают руководства в делах скотоводства. Отражается борьба крестьянина с трудными условиями обработки земли и природными условиями, отсталость феодального производства, постоянная забота о хлебе.

10. Пословицы как философия «в узком смысле». Стихийный материализм пословиц.¹

Пословицы отражают стихийно-материалистическое мировоззрение народных масс, уверенность в материальности мира. В них нашли отражение следующие положения: мир находится в постоянном движении и изменчивости, он объективен, а не создан богом; в конкретной деятельности необходимо учитывать конкретные условия места и времени. Народ убежден в познаваемости мира, высоко оценивает практическое значение познания, рассматривает особенности разных ступеней и форм познания, отношения чувственного и логического познания, знания и догадки. Подчеркивается проверяющее значение практики в познании, значение языка как средства общения, требуют тщательного обращения со словом, советуют меньше разговаривать и больше действовать. Пословицы занимают вопросы противоположности, приводят примеры конкретных пар противоположностей (хорошее и плохое, счастье и несчастье, богатство и бедность, жизнь и смерть и др.), представляют идею борьбы и единства противоположностей (считая, притом, борьбу более существенной). Признают существование объективной связи между явлениями действительности: пословицы, освещая вопросы сходства и различия вещей и явлений, констатируют бесконечное многообразие вещей и различия вещей и явлений, предупреждают, чтобы существенных сходств и различий не смешивали с внешними. Материалистическое истолкование получают вопросы соотношения сущности и видимости, общего и единичного, а также вопрос объективного характера единичного, общего и причинности. Пословицы являются итогом наблюдений причинности во многих сферах действительности, указывают на формы и особенности причинной связи, доходят до познания универсального характера причинности, показывают связь причинности с необходимостью. Обнаруживается убеждение, что в природе, обществе и мышлении действуют определенные закономерности. Пословица не отрицает и значения случайности, но не советует ориентироваться на «авось» и «небось». Пословицы говорят о многоликости жизни, о чередовании радости и горя, счастья и несчастья, но все же не впадают в фатализм. Пословицы имеют большую познавательную ценность, они сами становятся средством познания и ведут к расширению форм мышления. Стихийный материализм народных масс является начальным этапом и одним из источников теоретического материализма.

Б. Внутренние противоречия в репертуаре пословиц; мировоззренчески отрицательные тенденции в пословицах.

1. Идеи противоречия между пословицами, причины их возникновения.

Репертуару пословиц характерны мировоззренческая гетерогенность, внутренние противоречия, отражающие противоречия в самой жизни и в мировоззрении тех социальных классов и слоев, которые создавали пословицы.

¹ Реферировано в основном по положениям В. И. Чернова и С. Омарбаева.

2. Реакционные тенденции и проявления мировоззренческой ограниченности и консерватизма.

Далеко не все пословицы проявляют истинно народную мудрость. Во многих из них можно найти выражения антипатриотизма и космополитизма, следы национализма и национальной вражды, проявления презрения к мужику или вообще к низшим слоям народа. Встречаются пословицы, в которых проповедуются покорность, послушность, компромизм, отказ от борьбы, идеализируется отношение к царю, вера в его доброту. Некоторые пословицы изображают социальное неравенство естественным, установленным богом, отождествляют классовую борьбу с зоологической борьбой за существование. Можно найти проявления фатализма и пессимизма, отражение религиозных предрассудков и суеверий. Находятся и отражения волчьей морали господствующих классов (эгоизма, личной выгоды и мошенничества). Проявляется униженное, крепостническое отношение к женщине, ее рабское состояние, властвование отца в патриархальной семье, вражда между братьями-сестрами.

3. Пути и причины возникновения антинародных и мировоззренчески ограниченных пословиц.

Главной причиной возникновения этих пословиц была идеологическая диверсия эксплуатирующих классов, которые старались, особенно через церковь, воспитывать народ в духе послушания, продуцировали реакционные афоризмы, близкие по форме пословицам, распространяли библейские сентенции, перелаживали народные пословицы и т. д. В социальном бытии и сознании самого крестьянства также были существенные предпосылки для восприятия реакционных пословиц: медленные темпы прогресса и замкнутость феодальных социальных отношений, безграмотность и беспомощность перед силами природы, узость кругозора и бессистемное мировоззрение, противоречивые стремления мелкого собственника.

4. Второстепенность реакционных тенденций, смягчающие их факторы.

Количество антинародных пословиц очень мало, они всегда оставались чуждым истинно народному сознанию и мало распространялись, народ противопоставил им подлинно прогрессивные пословицы.

IIa. Концепция К. С. Давлетова.²

Пословицы — это мудрость, выросшая из эмпирического опыта и реального наблюдения за жизнью. Репертуар пословиц является не философской системой, конструированной «сверху вниз», а мозаичной «осколочной философией», где при движении «снизу вверх» выявляются многочисленные противоречия. С другой стороны, мировоззрение пословиц опирается на единство жизни народа и единство крестьянского сознания, неприкосновенного от «книжной мудрости» и теоретических учений. Пословицы проникнуты стихийным материализмом и стихийной диалектикой, но не в силах подняться над эмпиризмом. Мудрость пословиц имеет особый характер «естественной», натуральной философии, пословицы пытаются в своих аллегориях поднять конкретные явления на уровень категорий, сравнивают социальные отношения с биологическими, классовые отношения с семейно-родовыми и т. д. Бог в пословицах рассматривается приземленно и реалистически, скорее пантеистически, чем религиозно. Пословицы — это вообще проявление реалистического и рационального мышления. Человек является единственным объектом рассмотрения фольклорной философии, пословицы выставляют на первый план естественные

² См. К. С. Давлетов, Фольклор как вид искусства. М. 1966, стр. 199—224.

достоинства человека, предпочитают их социальной позиции. С другой стороны, пословицы подчеркивают скованность человеческой воли, невозможность жить достойным человека образом, неизбежность компромиссов. Такого рода учения несут гуманистическую функцию: защищать этого «естественного человека» от антигуманных социальных норм классового общества. Настоящую философскую весомость получает пословица именно в классово дифференцированном обществе. Кульминация развития жанра пословицы охватывает время, когда в фольклоре начинает доминировать рационализм (возможно в XVII—XVIII вв.). Расцвет пословицы кончается с началом революционной борьбы пролетариата; новейшие пословицы только оформляют уже известные истины, а не помогают в познании новых истин и не имеют своего прежнего философско-мировоззренческого значения.

IIб. Концепция Х. Сиймискер (на основе эстонских пословиц).³

Дидактика пословиц поднимает в качестве добродетелей на первый план терпеливость, уживчивость, доброту, подчинение условиям, осторожность, умеренную и обдуманную деятельность. В пословицах мало светлого оптимизма, надежды делаются с боязнью. Пословица принимает за эталон стремлений и сущностных черт человека умеренность, предостерегает от всякого рода крайностей, ее отношение к смелости, чести и красоте двоятся. Свобода как тема или даже как понятие совершенно незнакома эстонской традиции пословиц. Осторожный и недоверчивый образ мыслей в пословицах непосредственно вытекает из крепостнического положения носителей традиции (безнадежное социальное положение, беззащитность перед природной стихией).

III. Концепция И. Левина.⁴

Представление о том, что пословицы формируют этические нормы, регулируют поведение людей и дают возможность определить образ мыслей того или иного народа, является несостоятельным. При некоторых предпосылках пословицы могли бы быть релевантными при определении склада ума какого-нибудь народа, но не более, чем все остальное словесное и предметное наследие, и не в рамках фольклористики, а социологии, притом не ретроспективно, а синхронно. Склад ума народа скорее проявляется, может быть, в структуре репертуара пословиц как целого, чем в содержании самих пословиц. Большинство пословиц являются не правилами, вытекающими из опыта, или принадлежащими безусловному выполнению решениями, а высказываниями, которые существуют как таковые. Скорее всего в пословицах можно видеть продукт речевого автоматизма: все новые и новые пословицы не выражают новых истин, а получены из существующих в порядке «конвейерного производства», т. е. путем различных аналогий, оборотов мыслей и т. п.

3. Status quo проблемы и некоторые ошибочные позиции принципиального характера

Еще В. И. Ленин указывал на необходимость осмыслить фольклор с философской точки зрения, как творчество, отражающее мировоззрение народных масс, как проявление народной философской мысли. Аналогичные мысли не раз высказывались и

³ См. H. Siimisker, Arutlusi «Libahundi» uuslavastuste puhul. — «Looming» 1969, nr. 5, lk. 758—760 ja 767.

⁴ См. I. Levin, Überlegungen zur demoskopischen Parömiologie. — «Proverbium» 11 (1968), S. 289—293 и «Proverbium» 13 (1969), S. 361, 363—366.

позднее. Ориентация на содержательные и мировоззренческие аспекты характерна советской фольклористике с ее возникновением. С другой стороны, до сих пор остро ощущается дефицит специальных, монографических работ по этим аспектам, так что еще в середине 60-х годов В. Е. Гусев имел все основания резюмировать обстановку следующим образом: «... до сих пор мы не располагаем ни одним обобщающим философским трудом, в котором было бы освещено с марксистско-ленинских позиций мировоззрение народных масс, выраженное в мифах, сказках, эпических и лирических песнях, пословицах и поговорках и других жанрах фольклора.»⁵

Отмеченный дефицит имеет исторические причины. Как известно, в послевоенной советской фольклористике стал доминировать взгляд, всячески подчеркивавший социальные аспекты фольклора, но оставшийся в их исследовании декларативным, не предложив ни эффективной методики для такого рода исследований, ни более строгой аргументации для доказательства предложенных положений. Имелись упрощения в понимании соотношения содержания и формы фольклорных произведений, соотношения фольклора и социально-исторической действительности, соотношения фольклора и марксистской теории. Во второй половине 50-х годов вместе с критикой вульгарной социологии происходило уточнение положений в науке, искусстве и т. п., включая и фольклористику. С количественной стороны (если в качестве индикатора применить хотя бы количество изданных исследований и публикаций) в нашей фольклористике после XX съезда КПСС произошел скачок или взрыв в прямом смысле этих слов.⁶ Было получено множество ценных результатов в исследовании ряда конкретных проблем фольклора. С другой стороны, досадно, что до сегодняшнего дня — если не учитывать книгу В. Е. Гусева «Эстетика фольклора» — не произошло еще качественного скачка в философской интерпретации этой резко возросшей фольклористической информации (именно более крупные труды начала 60-х годов являются достаточно поверхностными и упрощенными⁷).

В числе препятствий, до последнего времени задерживающих исследование указанных проблем, выявляются два существенных методологически неверных положения.

1. Ложное понимание соотношения философии и конкретных наук. Исходя из принципа, по которому ре-

⁵ В. Е. Гусев, Фольклор как источник изучения социальной психологии. — В сб.: Проблемы общественной психологии. Под ред. В. Н. Колбановского и Б. Ф. Поршнева. М. 1965, стр. 375.

⁶ Так по данным А. М. Жигулева (Русские пословицы и поговорки. М. 1969, стр. 398—429) в 1956—1960 гг. вышло паремiological литературы в 2,7 раза больше чем в 1951—1955 гг.

⁷ Ср. В. П. Аникин, «По разряду важнейшей тематики». — «Вопросы литературы» 1965, № 7; А. Гу, Философия и чувство меры. — «Вопросы философии» 1964, № 7; В. Е. Гусев, Эстетика фольклора. Л. 1967, стр. 7.

зультаты исследования в советской фольклористике должны соответствовать положениям марксистской философии, некоторые авторы неправильно понимают, как и когда это соответствие должно осуществляться. Как известно, в концепцию марксистской философии входят тезисы, что философия и конкретные науки могут плодотворно сотрудничать, только опираясь друг на друга и учитывая результаты исследования друг друга, философия не должна претендовать на «господство» над отдельными науками и диктовать им конкретные результаты исследования.⁸ Фольклорист, который считает, что его задача состоит не в объективном, систематическом и детальном исследовании фольклорных фактов и затем в философском истолковании результатов, а в выведении фольклористических концепций из философских и в их иллюстрацию примерами из фольклора, — такой фольклорист в действительности делает вклад не в пользу философии, а наоборот, тормозит ее развитие: если завтра философия, обратясь к фольклористике для получения информации, получит от нее лишь отображение своего же (уже вчерашнего) голоса, то послезавтра обе они понесут убыток.

2. Упрощение и неверное понимание специфики содержания словесных художественных произведений и соотношения их формы и содержания: (1) представление о «полной» отделенности содержания и формы поэтического произведения (примерно в духе известной формулы Ю. Н. Тынянова «форма + содержание = стакан + вино»); (2) переили недооценивание трудностей, возникающих при исследовании содержания поэтических произведений. Обе последние крайности приводят своих сторонников в конечном итоге к единому выводу: исследование содержания поэтических произведений не предполагает необходимости/возможности использовать любые претендующие на объективность и экзактность (математические, структуральные, семиотические) методы. По мнению отрицающих необходимость этих методов исследователь, уже благодаря тому, что его сознание, будучи вооружено марксистским мировоззрением, верно отражает действительность, сразу же сумеет дать правильную оценку идейно-художественных качеств произведения. Отрицающие возможность считают, что явления литературы и искусства слишком сложны для применения точных методов, что точные методы уничтожают в произведении все живое и т. д.

Последние опасения действительно имеют некоторое основание.

(1) Содержание литературного или фольклорного произведе-

⁸ См. Т. И. Ойзерман, Проблемы историко-философской науки. М. 1969, стр. 117, 131, 186, 212; А. Г. Спиркин, Курс марксистской философии. Изд. 2-ое. М. 1966, стр. 17.

ния не является сюжетом или пересказом этого произведения. Как всюду, так и здесь оно «единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций»⁹ — т. е. надо учитывать все элементы и структуры этого сложного комплекса.¹⁰

(2) Форма кажется чем-то реальным и объективным, в содержании же сложно взаимодействуют и переплетаются познавательные факторы со стороны создателя, посредника и принимающего, социальный и этический контексты, в которых происходит создание и прием и т. д.

(3) Идейное содержание словесного художественного произведения не является непосредственным содержанием языковой формы произведения — они объединяются посредством образа, т. н. внутренней формы.¹¹ Поэтому рассмотрение идейного содержания не может произойти в отрыве от исследования семантики образа (особенно от проблематики, связанной с тропом).

(4) Уже в лингвистике семантика является одной из самых молодых областей, где наиболее весомые результаты получены главным образом в последнее десятилетие, так что у исследователя стили или фольклориста нет надежды найти здесь готовые к перенесению идеи и представления.

(5) В современной лингвистике, логике и философии нет единства в определении значения «значения».

(6) Более «внешние» и «низкие» уровни формы (особенно эвфоническая стилистика) литературных и фольклорных произведений гораздо лучше поддаются, по сравнению с содержанием, объективному и формализованному описанию. С другой стороны, подобного рода исследования не без основания подвергались критике за то, что их результаты часто бывают слишком малы и не могут быть применимы при решении более высоких и общих (т. е. именно содержательных) исследовательских задач. Для исследования содержания, в противовес сказанному, трудно найти достаточно надежной аксиоматики. Содержание толкает исследователя своей кажущейся простотой и открытостью именно к обычному чувственно-эмпирическому наблюдению, которое не дает возмож-

⁹ А. Г. Спиркин, Курс марксистской философии, стр. 165.

¹⁰ Ю. М. Лотман не раз подчеркивал, что поэтический текст семантизирует исключительно все свои структуры и элементы и не содержит вообще каких-то «просто формальных элементов» и «художественных особенностей» вне содержания (см. Ю. М. Лотман, Лекции по структуральной поэтике. Тарту 1964, стр. 64, 123 и сл.; его же, Структура художественного текста. М. 1970, стр. 17—19, 25, 26; его же, Анализ поэтического текста. Л. 1972, стр. 35—39, 74 и сл.).

¹¹ См. Л. И. Тимофеев, Проблемы теории литературы. М. 1955, стр. 79—80; И. И. Виноградов, Проблемы содержания и формы литературного произведения. М. 1958, стр. 176 и сл.

ности объективной проверки результатов, но зато допускает существование исключаящих друг друга интерпретаций, произвольность понятий и распространенный беспорядок в терминологии.

Сказанное выше все же не означает, что нам следует вообще отказаться от попыток улучшения методики исследования содержания.

Семантический аспект пословиц как в фольклористике, так и в самой паремииологии остался, по сравнению с другими проблемами, на более заднем плане: до сих пор отсутствуют капитальные исследования и надежная методика в этой области. Поэтому приведенные выше общеметодические ошибки и трудности, исходящие от природы самого содержания, а также другие недостатки, проявляются в некоторых рассмотренных разработках особенно наглядно. Самыми характерными можно назвать следующие три: (1) обиходные цитаты, (2) обиходные примеры, (3) представление о семантической простоте пословиц. Наиболее существенным является последнее. От многих исследований остается впечатление, что, пролистав какой-нибудь сборник пословиц, можно сразу без особых размышлений определить, какие мировоззренческие установки скрываются за текстом той или другой пословицы, какой этап развития сознания этот текст представляет, следует ли его считать результатом творчества трудящихся или эксплуатирующих классов, т. е. прогрессивным или реакционным, и т. д.

В дальнейшем изложении мы попытаемся показать, что на деле положение является диаметрально противоположным: если мы будем исходить не из априорно заданной концепции, а из фольклорных фактов, то при исследовании содержания пословиц можно столкнуться с рядом серьезных трудностей. В первую очередь, в связи с методикой исследования предложим некоторые тезисы, имеющие конструктивное направление.

4. Некоторые возможные способы исследования семантики пословиц

При исследовании содержания пословиц можно использовать, например, следующие три способа.

1. Чисто-семантический (внеконтекстный, виртуальный) способ. Исследователь начинает расшифровывать пословичные тексты, не привлекая какой-либо прямой информации об их значении и употреблении, т. е. опираясь лишь на собственные знания и представления о том, (а) какими являются отношения предметов во внеязыковой действительности, (б) какие значения имеют слова, встречающиеся в данных пословичных

текстах, в обычном, непоэтическом языке, и (в) что представляют собой пословицы, по каким семантическим правилам они конструируются и в каких случаях уместно употреблять ту или иную из них. Этот подход как максимально внеконтекстный¹² и тем самым максимально «подручный» акцептирован большинством исследователей. Однако существенным недостатком этого подхода является то, что он дает лишь гипотетический результат, приписывая каждой пословице некоторый семантический потенциал и не позволяя сказать, которая часть этого потенциала действительно реализуется в фольклорной традиции. Когда исследуемый материал берется из чуждой для исследователя культуры или является интернациональным, то многие ошибки в толковании пословиц становятся ожидаемыми.

2. Семантико-прагматический (контекстный, актуальный) способ. Исследователь рассматривает тексты пословиц исключительно в их актуализациях, т. е. пользуется только прямой фактической информацией о конкретных речевых и ситуативных контекстах, в которых до сих пор актуализировался тот или иной пословичный текст. В принципе такой подход должен давать вполне достоверное представление о значении (значениях) каждой пословицы, но практически этим способом, к сожалению, пользоваться нельзя, потому что в распоряжении паремистов имеется безнадежно малое количество информации о действительных условиях применения пословиц и их контекстах, а этот пробел трудно восполним.

3. Семантико-синтаксический способ. Ставится задача представить семантическое описание какого-либо пословичного корпуса в целом, оформляя описание в виде единой классификации или типологии. Ценность таких классификаций была бы неопределимой. С другой же стороны, данный способ описания предъявляет высокие требования к метаязыку описания, так как следует указать отношения исключительно каждой пословицы с каждой другой пословицей, найти дистриктивы для экспликации коннотативных «нюансов» каждой пословицы, для

¹² Но и этот способ является внеконтекстным лишь относительно. Указанное количество предварительных знаний создает своего рода виртуальный контекст, близкий понятию *ограниченного контекста* (*restricted context*) Дж. Лайонса (см. J. Lyons, Introduction to Theoretical Linguistics. Cambr. 1971, p. 419 ff.). Для обозначения такого рода презуппозиций непосредственно в пословицах Г. Л. Пермяков пользовался термином *логический контекст* (см. Г. Л. Пермяков, Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М. 1968, стр. 44) и М. А. Черкасский термином *семиотический фон* (см. М. А. Черкасский, Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы. — Филологический сборник. Вып. VIII—IX. Алма-Ата 1968, стр. 477).

разграничения синонимических пословиц и т. д. Это значит, что требование строгости языка описания попадает здесь в острую оппозицию с многоаспектной семантической неопределенностью пословиц, о которой речь пойдет ниже.

Практически было бы целесообразно применять какой-либо комбинированный способ, в котором учитывалась бы как прямая документальная информация, так и собственные знания и представления исследователя. Но ни один из приведенных способов не следует считать единственно возможным и перспективным. К тому же, в так называемых естественных системах часто бывает трудно отграничить чисто семантические аспекты от синтаксических и прагматических.

Глава II

ПОСЛОВИЦА КАК ЕДИНИЧНОЕ (ТЕКСТ, АКТУАЛИЗАЦИЯ). СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОСЛОВИЧНОГО ТЕКСТА

1. Неопределенность денотации. Проблема тропа в пословице

Итак значение пословицы как виртуального или письменно зафиксированного текста является для исследователя лишь семантическим потенциалом. Окончательные, максимально дефинитные значения пословичный текст получает только в своих действительных актуализациях. Существующее количество всех актуализаций какой-нибудь пословицы, как бы велико оно ни было, как правило, не исчерпывает полностью интерпретационного потенциала этой пословицы: как традиционные сами пословичные тексты, так же традиционно образовалось количество «типовых ситуаций» и значений, в которых обращается та или другая пословица и которые мы недостаточно знаем. Поэтому вполне закономерно, что при интерпретации содержания текста пословицы мы допускаем некоторые ошибки, например: (1) тексту дается слишком широкое (в слишком общих терминах) описание, которое включает, кроме всех его действительных значений, и ряд ирреальных; (2) значение пословицы понимается слишком узко и часть реальных значений оказывается вне описания; (3) оба вышеуказанные недостатка одновременно: описание включает ряд ирреальных и исключает ряд реальных зна-

чений; (4) формулировка потенциала вовсе не содержит реальных значений.¹³

Одним из главных источников семантической (особенно денотативной) неопределенности пословицы является многоинтерпретируемость пословичного тропа, на что часто указывалось в литературе. В связи с «языковой» гомо/гетерогенностью текста пословицы и поэтичностью/непоэтичностью его словесных компонентов возможны два следующие противоположные толкования:

(1) Текст пословицы предполагается внутренне гомогенным, целиком поэтическим. Каждый его элемент принадлежит ко «вторичному», поэтическому (П-) языку и с принципиальной строгостью отделяется от всех (особенно от омонимных) элементов «первичного», т. е. обычного непоэтического (Л-) языка и языка «третьего порядка», т. е. метаязыка, описывающего содержание пословиц (М-языка). Также отделяют Л-языковые выражения от М-языковых.¹⁴

(2) Текст пословицы рассматривается внутренне гетерогенным и его словесные компоненты делятся на «содержательные» (с-элементы) и «формальные» (ф-элементы). В число последних вошли бы всякого рода т. н. реляционные и кванторные слова (*есть, нет, и, или; все, иногда* и т. п.), слова, обозначающие модальность (*должно, можно, нельзя; хорошо, плохо*), различные вопросительные слова, также слова, представляющие собой т. н. синтаксические фигуры или синтаксическую формулу (*Если..., то...; Кто..., тот...; У каждого... свое...; Лучшие... чем...* и т. п.). Остальные слова вошли бы в число с-элементов и, в свою

¹³ (1) Из сказанного не следует, однако, будто возможно и «абсолютно безошибочное» описание значения текста пословицы. Точнейшим семантическим описанием пословичного текста является сам этот текст, всякое другое описание неизбежно будет лишь приблизительным (более бедным, извращенным). О. С. Ахманова (Вопросы оптимизации естественных коммуникативных систем. М. 1971, стр. 20) обратила внимание на трудности семантического описания фразеологизмов и на неадекватность употребляемых для этих целей парафраз.

(2) Знание действительных фактов использования пословичного текста помогло бы нам избежать опасности неправильного понимания, но не трудности описания его «суммы действительных значений». Проблемой становится уже разбиение этой суммы значений как общей (или соединение всех единичных значений, реализованных во всех отдельных актуализациях данной пословицы) на четко разграниченные классы на уровне особенно, т. е. выяснение т. н. *узев* пословицы (об этом понятии см. Б. Ю. Городецкий, К проблеме семантической типологии. М. 1969, стр. 174 и сл.).

¹⁴ Ср., например, точку зрения Р. Якобсона (Поэзия грамматики и грамматика поэзии. — В сб.: Poetics. Poetyka. Poetika. Warszawa 1961) о том, что в поэтическом тексте — все поэтическое, включая грамматические элементы и структуры. Отношения П-языка с другими представляют здесь две модификации т. н. метасемантического отношения, которые носят у Р. Барта названия *коннотации* (у нас Л:П) и *денотации* (у нас П:М) — см. R. Barthes, Elements of Semiology. London 1969, p. 89 ff.

очередь, их можно разделить, например, по значению на прямые (с₁-элементы) и переносные (с₂-элементы). Притом поэтическими считались бы только, например, с-элементы или, еще уже, только с₂-элементы.

Несмотря на то, что применение первого толкования к пословицам требует некоторых оговорок, все же оно имеет перед вторым довольно распространенным существенные преимущества.

1. Предполагая, что семантическое «оформление» поэтического произведения не ограничивается тропами и в конечном счете всякий художественный прием (включая любой эвфонизм) является по своей функции семантическим, можно заметно расширить область исследования, распространив ее и на ф-элементы пословицы.

1.1. Существенными признаками поэтичности можно считать эффекты контраста и симметрии, возникающие при любых явлениях параллелизма.¹⁵ Если различать в поэтической реализации пословичного текста три аспекта — эвфонический, синтаксический и тропо-лексический, — то отношения эвфонии и тропики можно охарактеризовать следующим образом: (1) единство в «материальном плане» текста: эвфоническое «украшивание» текста может происходить только путем выбора, повторения и/или комбинирования порядка словоформ; (2) оппозиция при создании текста: надо проявить поэтическую находчивость, чтобы «внесение» эвфонизмов не сопровождалось «притуплением» тропического образа; (3) взаимная компенсация при восприятии текста: для преодоления барьера фольклорной невосприимчивости тексту не обязательно предлагать заметные достоинства как со стороны тропа, так и со стороны эвфонии, а достаточно или со стороны тропа или со стороны эвфонии (или он может выделяться достоинствами, остающимися вне обоих).¹⁶ Зато приемы, входящие в поэтический синтаксис пословицы, действуют в качестве компенсаторов как в плане создания, так и в плане восприятия. Так, например, свойственная пословице т. н. синтаксическая симметрия может, с одной стороны, вызывать некоторые спонтанные эвфонические начала (явления т. н. парадигматической или грамматической рифмы, контуры ритма), с другой же стороны, она выполняет непосредственно семантические задания («регулирует» смысл предложения, указывает на отношения с-элементов — утверждает и отрицает, соединяет и исключает и

¹⁵ См. Р. Якобсон. Поэзия грамматики и грамматика поэзии, стр. 400.

¹⁶ На явления компенсации между уровнями стиля русских частушек указывал еще Б. И. Ярхо (см. М. Л. Гаспаров, Работы Б. И. Ярхо по теории литературы. — Ученые записки ТГУ. Вып. 236. Тарту 1969, стр. 509). Б. Гольбек предполагает непосредственно в пословицах существование отрицательной корреляции между наличием эвфонизмов и метафоры (см. В. Нолбек, Proverb Style. — «Proverbium» 15 (1970), p. 56.

т. д.). Особенно существенно здесь то, что синтаксическая симметрия привлекает своего рода эффект «семантической симметрии»: устанавливается парадигматика второго (поэтического) порядка и оба (все) члена полученных парадигм манифестируются непосредственно в самом тексте. Это позволяет кроме обычных, языковых антонимов и синонимов рассматривать оппозиционными на уровне поэтики и отношения большого количества слов, которые на уровне Л-языка были бы абсолютно несравнимыми, как, например, слова *седина* и *бес* в предложении *Седина в бороду — бес в ребро*, слова *собака* и *ветер* в предложении *Собака лает — ветер носит*, слова *угол* и *пирог* в предложении *Не красна изба углами, красна пирогами*, слова *ухо* и *угол* в предложении *Скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол* и т. п.¹⁷

1.2. Можно указать множество случаев, когда ф-элементы явно выполняют в пословице функции, близкие функциям тропов. (В качестве примера рассматривается гиперболическое качество ф-элемента *столько* в примере Г. Л. Пермякова *Сколько мудрецов, столько и мнений*). Довольно регулярно встречается в пословицах явление особой, можно сказать, *модальной метафоры*, примером которой могут служить, например, (1) риторический вопрос, регулярно обозначающий в пословицах отрицание; (2) ирония; (3) другие случаи, когда формально изъявительное наклонение под влиянием с-элементов текста и/или содержания контекста приобретает значение некоторой иной (деонтической, эпистемической) модальности.

2. Рассматриваемая точка зрения не обязывает нас обозначить четкие «двухвалентные» границы между ф- и с-элементами, с одной стороны, и между с₁- и с₂-элементами, с другой. Это целесообразно, потому что таких границ в действительности не существует. Скорее положение в обоих аспектах можно рассматривать как чередование большого количества «серых тонов» на некой длинной шкале. При с/ф-дистинкции на одном конце этой

¹⁷ Эти и другие обстоятельства позволяют относиться с резервацией к попыткам описать т. н. логическую или синтаксическую структуру пословиц имманентно, т. е. не учитывая конкретных с-элементов. С-элементы пословичного текста не могут быть отождествлены с изменяющимися в логических выражениях. Логическую семантику интересует только истинность/ложность изменяющихся, а не их конкретное содержание, и возможность видоизменения логических выражений также зависит лишь от их истинности и от отношений логических операций, которые заданы аксиоматикой. Зато реальные трансформы (т. е. варианты) пословиц, как и возможности их трансформации, полностью зависят от содержания конкретных с- и ф-элементов. Также нецелесообразно игнорировать семантику с-элементов при создании порождающих моделей пословиц (ср. В. С. Баевский, Порождающая модель поэтической системы пословицы. — Структурно-математические методы моделирования языка. Тезисы докладов и сообщений всесоюзной научной конференции. Часть I. Киев 1970, стр. 14—16).

шкалы могли бы располагаться именно перечисленные и другие типичные реляционные слова, на другом же конце какие-то «сверхсодержательные» слова со сложной семантической структурой. Столь же проблематичным является определение с₁/с₂-дистинкции. Попытки установить, какие по качествам слова позволяют себя легче «переносить», а какие труднее — нам неизвестны. Хотя ф-элементы и могут участвовать в образовании тропов, их переносы результируются лишь как отдельные виды тропов; слова, обозначающие абстрактные объекты с широким понятийным объемом, также имеют лишь ограниченные возможности тропизации и т. д. — т. е. существует явная корреляция между «бессодержательностью» слова и «непереносимостью» его значения.

Далее в работе дается более подробная характеристика пословичных переносов, представленная в виде следующих тезисов.

1. На шкале 'полисемия → языковая метафора → поэтическая метафора → нонсенс'¹⁸ фольклорные и фразеологические тропы занимают различное место, по сравнению, например, с тропами современной поэзии. Последняя стремится к уменьшению избыточности между элементами текста, так что истинной и ценной является здесь именно такая метафора, которая «вне данного поэтического контекста равняется бессмыслице»¹⁹ и даже в контексте осмысливается через сложные и неопределенные ассоциации. Зато фольклорные и фразеологические тропы являются традиционными, каноническими, стереотипными, как правило, слышанными много раз и автоматически «разгадываемыми».²⁰

2. Лексический состав тропов пословиц является довольно повседневным. Существует ряд семантических полей, лексикой которых пословица охотно оперирует в своих образах: названия животных, растений, элементов пейзажа, природных явлений и «стихий»; топонимы и этнонимы; соматическая лексика; числительные; названия бытовых предметов; лексика, связанная с пищей и домашним хозяйством; слова, обозначающие различные

¹⁸ См. аналогичную классификацию выражений: D. Bickerton, Prolegomena to a Linguistic Theory of Metaphor. — «Foundations of Language» 5 (1969), p. 48.

¹⁹ Ю. М. Лотман, Структура художественного текста, стр. 250.

²⁰ Не рассматривая подробнее, почему паремические образы все же сохранили поэтическое очарование в глазах потребителей, укажем на интересные концепции Ю. М. Лотмана о принципиальном характере фольклорной эстетики как «эстетики тождества» (Лекции по структуральной поэтике, стр. 172—183) и о фольклорной коммуникации как особого вида автокоммуникации (О двух типах ориентированности культуры. — В кн.: Ю. М. Лотман, Статьи по типологии культуры. Тарту 1970, стр. 49—51).

категории людей (родственники, социальные статусы и функции и т. д.).²¹

3. Относительно простыми являются и общие принципы и правила, по которым конструируются (в направлении идея → текст) тропы пословиц и которые работают в противоположном направлении (текст → значение) и при понимании пословиц. Пословичный троп является чаще всего парадигматическим, т. е. метафорическим²², при этом метафорам пословиц свойственно определенное направление переносов: объяснить более сложное через более простое, менее известное через более известное, представить, например, духовное через физическое, идеальное через материальное, абстрактное через конкретное, социальное через биологическое и т. д. Ведущую роль в этих видоизменениях играют оппозиции ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ : НЕ-ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ и НАТУРАЛЬНОЕ : КУЛЬТУРАЛЬНОЕ.

4. Чаще всего пословичный троп выступает в виде аллегории, проходящей через все с-элементы. Стихии, неодушевленные природные объекты, вещи, растения, животные и т. д. обозначают здесь людей, человеческие действия, объекты и продукты человеческой деятельности.²³ Такие аллегорические тексты являются в основном внутренне непротиворечивыми (или избыточными) и их следует «переводить» целостно; ф-элементы принадлежат имперсональному «отправителю» и пословица представляет собой изъявительное наклонение, т. е. полагается минимум участия человека в Л-языковом плане содержания пословицы. Дальнейшее проникновение человека во внешнее содержание текста может происходить (а) через ф-элементы (часто именно в императивных предложениях): в тексте появляется адресат, имперсональный «ты», к которому пословица направляет свои прогнозы, повеления, запреты и т. д.; (б) через с-элементы: человек начинает непосредственно содействовать в Л-языковом содержании текста или же его наличие предполагается имплицитно. Но и тогда, когда человек уже дан в прямом (Л-языковом)

²¹ Ср. также Ю. В. Рождественский, Что такое «теория клише»? — Приложение к кн.: Г. Л. Пермяков, От поговорки до сказки. М. 1970, стр. 228.

²² О связи метафоры с парадигматикой (системой) и метонимии с синтагматикой см., например R. Jakobson & M. Halle, Fundamentals of Language. Hague 1956, p. 81; R. Barthes, Elements of Semiology, p. 60. Барт здесь же указывает, что одной из областей, где метафора доминирует над метонимией, является именно афористика.

²³ В приложении к работе приводятся примеры о возможности парадигматического перенесения слов *камень, море, солнце, буря, весна, осень, дерево, верхушка, корень* и др.

содержании пословицы, все равно сохраняются возможности переноса с «более низкого» на «более высокое».²⁴

5. При разгадывании аллегорий пословиц следует учитывать как синтагматические, так и парадигматические факторы. Субстантивные, вещественные «пикн» аллегорий в отдельности, вне пословичного текста, часто не говорят ничего определенного о действительной теме и идее пословицы. С другой стороны, каждое слово, входящее в состав тропа, привносит в текст пословицы все ассоциации и коннотации, связанные с его прямым значением, что также нельзя оставить без внимания.²⁵

6. Есть ряд «полуформальных» слов, играющие роль своего рода ключей при осмыслении аллегорической цепи. Эти слова (в основном глаголы, прилагательные и наречия) являются более «содержательными», чем реляционные слова, но все же соединяются с большим количеством конкретных вещественных денотатов и так давно перенесены и на абстрактные и идеальные объекты, что мы не воспринимаем в них никакой образности.²⁶ Подобные слова являются «слабыми звеньями» в аллегорической цепи и облегчают осмысление «пиков» аллегории, но, с другой стороны, делают невозможным указать точно, где именно пословицы с «полностью переносным значением» видоизменяются в такие, в которых троп бесспорно охватывает только часть с-элементов текста или является «сломанным» (*broken*).

7. При проникающей аллегории причиной (виртуального) переосмысления текста служит в основном чрезмерная тривиальность его Л-языкового содержания, малая «прагматическая нагрузка». Зато в частично тропической пословице мы обязательно

²⁴ Например, (1) физический *pro* моральный или интеллектуальный недостаток (*больной, слепой, глухой, горбатый*); (2) физиологическое *pro* духовное или социальное состояние недостаточности/насыщенности (*голод, жажда, сытость*); (3) физическое *pro* психическое, моральное или социально-экономическое состояние бедствия или вреда (*удар, рана, боль, утопание*); (4) физическая *pro* социальная акция, интеракция или другое действие или процесс (*лазание, падение и вставание, поиск и нахождение, путешествие, охота, драка, дойка и стрижка*); (5) чувственное познание *pro* познание вообще (*видит, слышит*). Часто встречаются переносы при помощи соматической лексики.

²⁵ Ср. Б. А. Успенский, «Грамматическая правильность» и поэтическая метафора. — Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам 17–24 августа 1970 г. Тарту 1970, стр. 126: «... смысл слова в его поэтическом употреблении, с одной стороны, задается общим (парадигматическим) значением соответствующего слова, а с другой стороны, — создается контекстом.» Н. Барлей предлагал ввести в описание структур пословиц т. н. *ограничения релевантности (relevance restrictions)*, которые уточняли бы сферу применения пословицы именно в зависимости от Л-языковых значений его с-элементов (см. N. Barley, A Structural Approach to the Proverb and Maxim. — «Proverbium» 20 (1972), p. 740).

²⁶ Например: *близко и далеко, высокий и низкий, вперед и позади, начало и конец, старый и новый, много и мало, расти и уменьшаться, полный и пустой, тяжелый и легкий, сильный и слабый, мягкий и твердый, теплый и холодный, уходить и приходить, принести и унести, давать и получать* и мн. др.

имеем дело с какой-нибудь Л-языковой семантической несовместимостью или противоречием в самом тексте между его словесными элементами. В последнем случае метонимический образ доминирует над метафорой и направление переносов может быть противным обычному: неодушевленное, растительное или животное характеризуется через человеческое, а биологическое и физическое — через социальное и психическое.²⁷ Существует ряд слов, наличие которых в тексте является надежным симптомом того, что троп охватывает только часть с-элементов или является сломанным.²⁸ Возможности переноса таких слов вообще ограничены в силу того, что они уже по происхождению связаны с психическими, этическими и социальными аспектами человека, т. е. именно с теми семантическими регионами, которые чаще всего подразумеваются в паремических переносах.

8. Факторы, наводящие на мысль считать некоторый сегмент потока речи пословицей и требующие его семантического перекодирования, могут быть следующими: (1) текст не подходит ситуативному и/или речевому контексту: у него неправильный квантор (общности) и его буквальное содержание не соответствует контексту; (2) Л-языковое утверждение или предписание, представленное в тексте, кажется слишком тривиальным; (3) Л-языковое утверждение или предписание кажется ложным; (4) ощущается несоответствие или противоречие между элементами самого текста: в буквальном понимании текст кажется нонсенсом; (5) текст слишком упорядоченный и орнаментальный (синтаксическая симметрия, эвфонизмы).

Далее в работе приводится ряд примеров к проблемам, связанным с пониманием и описанием денотативного содержания пословицы. Остановимся здесь на возможностях толкования эстонской пословицы *Tühi kott ei seisa püsti* (буквально: *Пустой мешок не стоит (прямо)*).

Мы можем понимать смысл этой пословицы довольно узко, как она может быть интерпретирована большинством наших современников, и описать ее при помощи конкретных, малообъемных, но содержательных понятий, например таким образом: 'глупый или неспособный в некотором ином смысле человек не продержится долго на какой-нибудь позиции (на высокой должности, в хорошем мнении и т. п.), куда он случайно попал'. Но мы можем сформулировать описание и очень абстрактным языком, рассуждая, например, так: (1) *мешок* — т. е. 'какой-то объект'; (2) *пустой* — т. е. 'не содержит или не имеет чего-то такого, чего подобные объекты могут в принципе содержать или иметь'; (3) *стоять (прямо)* — т. е. 'находиться в течение некоторого времени на самом деле в какой-то неподвижности по отношению к другому объекту (фону), причём состояние объекта по отношению к фону рассматривается по качеству в некотором смысле

²⁷ Например: *У зимы поповское брюхо; Собака друг, а лошадь враг; Просо зимы не боится, а ветру кланяется; Ветер снег съедает; Весна и осень на пегой кобыле ездят; Водка — вино тетка* и мн. др.

²⁸ Например: *работа, усердие и лень, старание и нерадивость, мудрость и глупость, язык и мысль, радость и горе, счастье и несчастье, любовь и гнев, честность и подлость, смелость и трусость, скупость и жадность, гордость и покорность* и мн. др.

более высоким или более негэнтропическим, чем состояние фона, в результате чего существует возможность аннулирования этого состояния и необходимы какие-то дополнительные условия, чтобы сохранить это состояние'; (4) если рассматривать и «пустоту» и «нестояние» как действительные состояния объекта, то «пустоту» можно рассматривать как причину «нестояния», или наоборот, «нестояние» является следствием «пустоты»; (5) действительным состоянием объекта также можно рассматривать только «пустоту»; (6) «нестояние» предпологается данному объекту бы возможным обе альтернативы, так что «нестояние» представляло бы реальную, вероятную возможность, «стояние» же — формальную, невероятную; (6) «пустоту» можно понимать как что-то такое, что свойственно объекту внутренне и сущностно, и «нестояние» — как внешнее или видимое проявление этого внутреннего и сущностного; (7) предложение можно интерпретировать и так, что «пустота» не свойственна объекту специфически, а характеризует лишь его единичное или случайное состояние, т. е. «нестояние» предпологается данному объекту не как таковому вообще, а только тогда и до тех пор, пока объект находится в этом (нетипичном ему) состоянии. Соответственно семантическое описание предложения можно сформулировать несколькими различными способами, например: (8) 'если существует причина, ей последует и следствие'; (9) 'если отсутствуют реальные возможности для совершения какого-то события, то это событие и не происходит в действительности'; (10) 'если объект имеет какой-нибудь внутренний или сущностный признак, то его существование проявляется и в чем-то внешнем и видимом'; (11) как-то «суммарнее», например: 'объект, у которого, в зависимости от его сущности или по каким-нибудь внешним и случайным обстоятельствам, отсутствует (или не является реальной) возможность перейти в качественно более высокое или более негэнтропическое состояние, не достигнет этого и в действительности, пока существуют причины, отрицающие или минимизирующие эту возможность (если они не являются сущностными); и если даже он по каким-либо внешним и случайным обстоятельствам попал в это состояние, то не может пребывать в нем после прекращения влияния этих случайных факторов'; (12) конкретизируя понятие «несодержимого»: 'система, которая не содержит достаточно вещества и/или энергии и/или информации, не сможет подняться из существующего состояния в более негэнтропическое или упадет в более энтропическое, если прекратится приток соответствующего вещества и/или энергии и/или информации' или каким-либо другим способом.

Кажется, однако, что подобный способ описания содержания пословицы является нецелесообразным, потому что, во-первых, как мы видели, пословичный текст оказывается неопределенным «потенциалом» не только по отношению к конкретным возможностям употребления, но и по отношению к своим возможным абстрактным семантическим описаниям: мы можем давать пословице несколько разных описаний, ни одно из которых не будет исчерпывающим и из числа которых трудно предпочесть одно другому; во-вторых, с их помощью почти невозможно отличить одну пословицу от другой; в-третьих, они в значительной мере отражают не свойства самого описываемого объекта, а особенности языка описания и сознания описывающего.

Следовательно, необходимо сделать некоторые ограничения. Так как пословице специфически характерен «антропоцентризм», то будем полагать, что и эта пословица относится именно к человеку, т. е. определенным «пустой» характеризуется некоторое состояние отдельного человека или группы, некоторое его мероприятие, речь и т. п. Конкретнее, *пустой* мог бы обозначать лишнее разного рода физико-биологических, интеллектуальных, нравственных, социальных, материальных и других благ и достоинств, или же бессмысленность или ложность человеческих действий (работы, речи), например: (а) 'бессильный'; (б) 'больной'; (в) 'голодный'; (г) 'глупый'; (д) 'злой'; (е) 'бедный'; (ж) 'пустая работа'; (з) 'пустой разговор', 'ложь' и т. д. В этих же координатах мы можем интерпретировать и синтагму *не стоит*

(прямо): (и) 'упадет'; (к) 'заболеет'; (л) 'потеряет физические способности (работоспособность и т. п.)'; (м) 'умирает'; (н) 'потеряет репутацию (поддержку, любовь, уважение, доверие)'; (о) 'потеряет позицию (роль, профессию и т. п.)'; (п) 'потеряет состояние, имущество'; (р) 'не имеет успеха (в работе)'; (с) '(ложь) выходит наружу' и т. д. и т. п. Если попытаться теперь скомбинировать предположения (а) ... (з) и следствия (и) ... (с) между собой, то часть комбинаций выпадет уже на уровне здравого смысла, но останется и ряд возможных комбинаций: аи ('бессильный упадет'), бл ('больной не может работать'), вм ('голодный умирает'), гн ('дурак потеряет репутацию'), гп ('дурак потерпит материальный убыток'), а также ак, ан, ао, би, бм, бо, ви, вк, вл, го, дн, ен, ео, жр, зн, зс и другие.

Далее мы не сможем самостоятельно аргументировать наличие или отсутствие, частоту или редкость той или иной комбинации в действительной традиции. К счастью, эстонские собиратели довольно подробно прокомментировали эту пословицу (имеется около тридцати разъяснений ее содержания) — и получается, что большинство этих толкований представляют собой манифестации только двух комбинаций: вл ('голодный потеряет работоспособность') и зс ('ложь или напрасная похвала выходит наружу'). Толкования 'дурак потеряет репутацию' (гн) и 'дурак потеряет позицию' (го), сколь естественными бы они ни казались в настоящее время, не встречаются вовсе. Если добавить, что существует также толкование 'голодное (домашнее) животное потеряет работоспособность или продуктивность', то и наша гипотеза о «человекообразности» этой пословицы оказывается неисчерпывающей.

Многоинтерпретируемость является не единственным источником денотативной неопределенности пословицы. Если в пословичном тексте вовсе отсутствуют слова, обозначающие физические объекты, то и нет причины говорить о тропе как таковой. Существует множество пословиц, состоящих только из ф-элементов и «полуформальных» слов и оперирующих уже в Л-языковом плане содержания очень абстрактными и объемистыми понятиями. Такие тексты напоминают скорее метаязыковые объяснения содержания, чем собственно поэтические тексты, и кажется, что они имеют очень широкую апплицируемость.²⁹ Однако при наличии достаточной информации, возможно, обнаружилось бы, что область их употребления является более ограниченной, чем кажется.³⁰

2. Модальная (функциональная) неопределенность

В большинстве случаев пословицы употребляются в каких-то практических, прагматических целях: ими обосновывают свои

²⁹ Например: *Век живи, век учишь; Все хорошо, что хорошо кончается; Всему свое время; Лучше поздно, чем никогда; Нет худа без добра; От судьбы не уйдешь.*

³⁰ Попытки терминологического разграничения «образных» и «необразных» пословиц предпринимались многими авторами: *пословица ~ пословичное изречение* (Вл. Даль); *(metaphorical) proverb ~ (proverbial) apothegm* (А. Тейлор); *пословица ~ афоризм* (Г. Л. Пермяков); *proverb ~ maxim* (Н. Барлей). Подобные distinctions в принципе целесообразны, но нет основания надеяться, что они позволят разделить репертуар на два четко различающиеся класса. (Рассматриваются некоторые спорные соображения в модели Н. Барлея).

положения, дают прогнозы, выражают сомнения, делают упреки, оправдываются или извиняются в чем-то, утешают кого-то, издеваются и злорадствуют над кем-то, желают, обещают, разрешают, приказывают и запрещают и т. д. и т. п.

О функциях пословиц у паремологов пока не существует достаточно удовлетворительного обзора. К тому же пословица находится на границе языка и фольклора и, видимо, имеет общие функции с каждым из них. Нет единого мнения и о функциях языковых и поэтических единиц вообще; отсутствует также единая терминология у различных авторов. В настоящей работе акцептируется одна более простая и распространенная шкала: УТВЕРЖДЕНИЕ—ОЦЕНКА—ПРЕДПИСАНИЕ.³¹

Может возникнуть иллюзия, будто функциональную классификацию пословичного репертуара можно предложить непосредственно на основе грамматических наклонений в текстах, так что повествовательные предложения представили бы пословицы с констатирующей функцией, повелительные предложения — прескриптивные пословицы и т. д. Но эту иллюзию разрушают два обстоятельства: (1) эвалюативная функция не имеет самостоятельной, отличающейся от других формальной манифестации в виде какого-нибудь грамматического наклонения; (2) существует мнение, что каждое языковое высказывание выполняет не одну функцию, а все свои основные функции одновременно.³² И действительно, нет оснований полагать, будто пословица может констатировать нечто совершенно безразличное или высказываться о вещах, которые лишены всякого социального значения, или в ситуациях, которые не содержат никаких альтернатив, или будто пословица выдвигает такие утверждения, из которых нельзя вывести никаких стратегических предписаний. Очевидно и то, что пословица не может что-нибудь приказывать, запретить, разрешить,

³¹ К этой шкале можно предложить, например, следующие параллели. (1) Известная формула В. И. Л е н и н а о диалектической пути познания: живое воззрение → абстрактное мышление → практика (Полн. собр. соч. Изд. 5-ое. Т. 29, стр. 152—153). (2) Высказывание А. Тейлора о том, что пословица «summarizes a situation, passes a judgement, or offers a course of action» (А. Taylor, *The Study of Proverbs*. — «Proverbium» 1 (1965) p. 7 [Разрядка моя — А. К.]). (3) Первые три из т. н. шести основных аспектов языка Р. Якобсона: (а) референциальная (денотативная, когнитивная) функция; (б) эмотивная (экспрессивная) функция; (в) конативная функция (см. R. Jakobson, *Linguistics and Poetics*. — В кн.: *Style in Language*. Ed. by Th. A. Sebeok. Camb., Mass. 1960, p. 353—355). Эти аспекты соответствуют т. н. аспектам 1, 2 и 3-его лица К. Бюлера. (4) Виды прагматических знаков Ч. Морриса: десигнатор, апрейзор и прескриптор (см. Ch. Morris, *Sings, Language and Behavior*. N. Y. 1955, p. 95—103). (5) Отрасли логики: логика истины и две более развитые модальные логики — аксиологическая и деонтическая.

³² Ср., например, А. А. И в и н, *Основания логики оценок*. М. 1970, стр. 12; М. А. К. H a l l i d a y, *Language Structure and Language Function*. — В кн.: *New Horizons in Linguistics*. Ed. by J. Lyons. Harmondsworth 1970, p. 144.

посоветовать, не признав предварительно хорошей или плохой (или аксиологически безразличной) либо само действие, о котором идет речь, либо нечто, связанное с этим действием, например, его цель, средство, интенсивность, темп, место, время и т. п. Эти оценки должны в свою очередь исходить из каких-нибудь познанных закономерностей, эмпирических истин или, по крайней мере, обиходных мнений и религиозных представлений.

В качестве примера приводится толкование эстонской пословицы *Kes korikati ei korja, see rublat ei saa* (буквально: Кто копейку не собирает, тот рубля не получает) через все три функциональные уровня путем следующих рассуждений: (1) копейка — деньги; (2) рубль — деньги; (3) деньги — благо; (4) рубль больше чем копейка; (5) рубль — т. е. 'большее благо', копейка — т. е. 'меньшее благо'. На эвалюативно-констатирующем уровне мы получим тогда описание (6): 'кто не копил (бережет) меньшее благо, тот не достигнет большего блага'. Далее можно установить оппозицию между гедоническим и утилитарным аспектами 'блага' ('добра'): (7) неопление (растрачивание) приятнее; (8) копление (сбережение) выгоднее. На основании этих предпосылок мы получим возможные толкования в прескриптивном плане: (9) 'копи (береги) малые блага' — т. е. активная «собственно стратегия»; (10) 'растрачивай (не копи) малые блага, но учти, что в таком случае тебе придется мириться с существующим, отказаться от каких-то устремлений и т. п.' — т. е. пассивная «псевдостратегия». Описание можно распространить и на иронические, аксиологически «повернутые» использования, видоизменяя значение слова *копить* 'допомогаться собирания' в значение 'допустить собирание' и меняя аксиологический квантор 'хороший' квантором 'плохой'. На эвалюативно-констатирующем уровне получим тогда суммарное описание:

Кто не стремится к хорошего количества в каком-нибудь противостоит плохого нагромождению достигнет скачка на нежелательное качество.
 прагматически значительном аспекте, тот не избегнет

С другой стороны, такого рода «дальние» и «глубинные» интерпретации могут зачастую становиться непроверяемо произвольными или неопределенными (в работе приводятся примеры таких случаев).

Можно предположить, что между ступенями нашей функциональной шкалы существует определенный порядок, который отражает общую (временную по сущности) последовательность ступеней человеческого познания (ср. у В. И. Ленина). Так, с теоретической или гносеологической точки зрения информативная ступень оказалась бы самой низкой, эвалюативная — средней и прескриптивная — высшей. Интересно отметить, что с исторической точки зрения (рассматривая эти ступени как исторические формы представления информации, служащей для социальной регуляции) их порядок представляется диаметрально противоположным: по Ю. А. Леваде, в этом плане является низшей именно непосредственно выраженная норма, приказ на соблюдение практики предков, и высшей — именно информатив-

ная форма, где адресат из сообщенных ему фактов сам должен сделать выводы о своем поведении.³³ Так или иначе утверждающая и прескриптивная функции являются экстремными на нашей шкале, и в то же время они могут быть эксплицитными по своей формальной манифестации. Зато оценочная ступень, которая находится между ними, является, как правило, имплицитной: оценка выступает обычно скрытой в метафорической ткани текста, или же о ней можно судить лишь на основе внетекстовых «пара»-факторов в конкретной актуализации. Эвалюативный аспект является в содержании пословицы, с одной стороны, крайне определяющим, так как в индикативных пословицах от оценки непосредственно зависит прескриптивный выход. С другой же стороны, определенные оценочные характеристики отдельных элементов (слов, синтагм) пословичного текста и «вычисление» эвалюативной результативности пословицы в целом оказывается часто затрудненным и довольно произвольным. Последнее обстоятельство позволяет, между прочим, присваивать пословицам *ad hoc* именно такие оценки и установки, которые исследователь хочет в них найти.

Пример аксиологической двузначности тропа. По данным Г. Б. Мильнера, английская и шотландская версии пословицы *Rolling stones gather no moss* имеют в аксиологическом плане противоположные значения, в зависимости от разного толкования слов *rolling* и *moss*: (а) в английской версии: 'скиталец, «несвязанный» человек не собирает состояние'; (б) в шотландской: 'человек со свежим умом и духом, постоянно активный и ищущий, не зарастает духовным «мхом» (лень, стагнация и т. п.)'.³⁴

Пример внетекстовых факторов. В пословицах, как *Kel vägi, sel võimus* (букв.: У кого сила, у того власть), *Vaene on rikka roog* (букв.: Бедный — пища богатого) и мн. др. можно, в зависимости от желания исследователя, увидеть, например (а) острую социальную критику и яростный протест; (б) грустную самоиронию трудового народа над своим безвыходным положением; (в) настроение резигнации и подчинения, привитое господствующими классами или обусловленное ограниченностью кругозора крепостного крестьянина; (г) циничное самооправдание господствующих классов, стремление показать социальное неравенство как закономерное и неизбежное. Эти тексты могут и в самом деле выражать все эти и другие установки, но конкретные с-элементы настроены здесь так нейтрально, что вряд ли можно сделать более весомые предположения о том, какие из этих оценочно-мировоззренческих вариантов реализованы в действительной традиции и с какой частотой.

Если обозначить буквой Н некую ситуацию, представленную в поверхностно констатирующей пословице, то, в зависимости от актуального присутствия/отсутствия этой ситуации и от приписываемой ей оценки (хорошо/плохо), отсюда можно вывести 8 различных прескриптивных решений: (1) 'сохранить Н!'; (2) 'ликви-

³³ См. Ю. А. Левада, *Сознание и управление в общественных процессах*. — «Вопросы философии» 1966, № 5, стр. 68—69.

³⁴ G. B. Milner, *Quadrupartite Structures*. — «Proverbium» 14 (1969), p. 383.

дировать Н!'; (3) 'достигнуть Н!'; (4) 'избегнуть Н!'; и (5) ... (8) — их пассивные соответствия.³⁵

Модальная индефинитность пословицы имеет и многие другие формы проявления вне оценочного аспекта. Приведем несколько примеров.

1. Прескриптивная по поверхностной функции пословица не обязательно должна быть всегда оформлена в виде прямого (императивного) приказа или запрета. Она может быть оформлена и в виде грамматического индикатива, т. е. «отчужденной» от конкретного адресата формулировки нормы или идеала, при помощи слов *можно, надо, нельзя* и их языковых и поэтических синонимов. Но и эти деонтические определители могут отсутствовать в тексте. Слово *есть* (англ. *is*, нем. *ist*, эст. *on* и т. п.), при помощи которого происходит предикация во многих языках (например, в эстонском языке), а также другие связки (включая копулятивный эллипсис, например, в русском языке) и грамматический индикатив вообще могут в пословицах часто пониматься не только в их обычном значении 'есть действительно', но и как 'должен (быть)', 'может (быть)', 'допустимо, что' и т. д. и *нет* («не есть»), соответственно, может означать не только 'нет в действительности', но и 'не должен (быть)', 'запрещено, что' и т. п. Но от того, приписываем ли мы тексту констатирующую или прескриптивную поверхностную функцию, кардинально зависит ход его толкования на уровне глубинных функций, а также более общая мировоззренческая интерпретация (т. е., видим ли мы в нем отражения действительности или идеалов). В принципе здесь возможны все альтернативы: (а) подразумевают действительность, не подлежащую нормированию; (б) подразумеваются нормы, которым регулярно следуют (т. е. нормы и/или действительность); (в) подразумевают нормы, которые в действительности обычно нарушаются (т. е. нормы, но не действительность).

Например, эстонскую пословицу *Kelle leiba sa sööd, selle laulu sa laulad* (букв.: *Чей хлеб ты ешь, ту песню ты поешь*) можно истолковать в следующих значениях: (а) 'это неизбежно складывается так, что...'; (б) 'ты вынужден «петь», если даже это тебе не нравится'; (в) 'постарайся внешне притворяться в этом «песнопении»'; (г) 'постарайся внушить себе эту конформистическую установку' и т. д.

2. Иногда остается неопределенным, следует ли грамматически индикативное утверждение пословицы толковать как «факторешение» или эпистемически, т. е. или 'есть в действительности', 'известно, что', или 'полагают, что', 'кажется, что' 'чувствуется, что' и т. п.

Например, в эстонском репертуаре находятся близкие по лексическому составу высказывания *Sõõb vähe sõõdetu* (букв.: *Мало ест выкормленный*) и

³⁵ Аналогичные деривационные варианты, связанные с аксиологическими понятиями, см., например, А. А. Ивни, Основания логики оценок, стр. 124.

Sõõb palju sõõdetav (букв.: *Много ест накармливаемый*): оба они выступают в форме индикатива, но первое из них, видимо, следует толковать как факторешение, другое же — эпистемически.

3. Как правило, открытым остается «алетический» квантор пословицы: мы не можем точно определить, какую степень действительности и универсальности пословица присваивает своим утверждениям и нормам. Во всяком случае не следует искать в пословице амбиции представления каких-то истин «абсолютно общего» действия, даже если в ней встречаются кванторные слова, как *всегда, никогда* и т. п.

Таким образом, семантическая неопределенность пословицы проявляется широко и в разных формах и в модальном плане. Если в предложении *Sõõber sõbra naha koorib* (букв.: *Друг дружью шкуру сдерет*) буквой X обозначить представленную содержательную информацию, то это предложение может как потенциал получить, например, следующие конкретизации: (а) 'всегда так, что X'; (б) 'есть опасение, что X'; (в) 'может случиться, что даже X'; (г) 'увы, часто бывает, что X'; (д) 'естественно, что X'; (е) 'это общеизвестно, что X'; (ж) 'существует мнение, что X' и т. п.

(Далее в работе приводятся примеры сомнительных или противоречащих друг другу толкований пословиц некоторыми авторами, исследования которых обсуждались в начале работы.)

3. Неопределенность информационной структуры (актуального членения) пословичного текста

Мы исходим из тезиса Г. Л. Пермякова «пословицы и поговорки являются знаками ситуаций или определенных отношений между вещами»³⁶. Этот тезис можно рассматривать в нескольких различных интерпретациях:

(1) Под ситуациями понимаются семантические отношения словесных компонентов самого пословичного текста, описанные на таком уровне общности, что охватывают и прямое значение текста и все возможные переносные значения.

(2) Под ситуациями подразумеваются те жизненные (чувственно ощущаемые или передаваемые в речи) ситуации, которые вызывают актуализации пословиц.

(3) Не считается вообще необходимым отличать ситуации, передаваемые в содержании самого текста, от ситуаций, которые актуализируют тексты, так как предполагается, что пословичный

³⁶ Г. Л. Пермяков, От поговорки до сказки. М. 1970, стр. 19; ср. также его же, Избранные пословицы и поговорки народов Востока, стр. 26; его же, О логическом аспекте пословиц и поговорок. — «Proverbium» 10 (1968), стр. 226.

текст можно считать просто обозначающим, описанием, «поэтической копией» актуализирующей его ситуации.

Последнее мнение было бы кардинально ложным. Предлагаем, например, следующие антитезы:

(1) Ситуации, актуализирующие пословицы, не находятся в однозначном соответствии с самими текстами пословиц, их отношения также нельзя рассматривать как отношения инвариантов с вариантами. Их отношения являются корреляционными лишь в самых общих чертах. Совпадающие тексты могут быть использованы во многих различных ситуациях, и наоборот, на ту же ситуацию можно отреагировать разными пословицами, в зависимости от того, какую сторону отправитель текста хочет выделить в ситуативном комплексе, как он понимает и оценивает ситуацию и т. д.

(2) Называть семантическую структуру пословичного текста ситуацией даже при внеконтекстном восприятии представляется не совсем верным, так как (а) *ситуация*, видимо, предполагает наличие некоего статического отношения (положения, поля напряжения), пословичный же текст является предложением и акт предикации неизбежно привносит в него «движение» информации; (б) кажется, что ситуация требует от своих элементов некоего «сценарного» единства, вхождения в один и тот же универсум, однако трудно конкретнее представить себе что-либо в качестве такой «рамы» или фонной системы, в которой виртуальная пословица могла бы установить свои ситуации; (в) здесь остается открытой специфика пословицы среди других знаков, так как ситуациями (если не событиями) по меньшей мере можно считать денотаты большинства знаков; (г) в качестве ситуаций трудно представить себе приказы и запреты.

(3) И уж совершенно немисливо рассматривать действительный акт актуализации пословицы просто как обозначение или описание некоторой ситуации. Пословица выполняет в человеческом общении не только информирующую, но и оценивающую и предписывающую функции, т. е. актуализация связывается как с «компонентом прошлого», так и с «компонентом будущего» своего контекста. Пословица может, например, констатировать актуально данную ситуацию как «вход» и прогнозировать на этой основе некие (хорошие или плохие) последствия, советовать что-либо, предостеречь от чего-либо, и т. д. Но она может рассматривать актуально данную ситуацию и как «выход» и сделать ретроспективные предположения о причинах происшедшего, оправдать какой-либо поступок, поздравлять над кем-либо и т. п. Если даже мы ограничимся только (индикативной или прескриптивной) поверхностной функцией пословицы, актуальное членение текста останется неопределенным, и в принципе каждый текст имеет шансы актуализироваться

двумя противоположными по своей информационной структуре способами: (а) прогностически, когда познание движется из актуального прошлого (т. е. от ситуации) в будущее, от действительного к возможному, и (б) ретроспективно, когда движение происходит из актуального прошлого в еще более давнее, от известных фактов к неизвестным, от следствия к причине, от внешнего к внутреннему и т. д.

В работе приводится ряд примеров, иллюстрирующих неопределенность инфоструктуры пословицы, в том числе и следующий.

	Pime kana		leiab vahel ka tera	
(буквально:)	Слепая курица		иногда тоже зерно находит)	
	← а →		← б →	

1-ая актуализация. Говорится о ком-то, кого участники разговора единодушно характеризуют как беспомощного, неуклюжего, невнимательного и т. п. Сообщается, что этот человек предпринял нечто (безнадежное для него). Кто-то спорит: «Что вы, и слепая курица иногда зерно найдет.»

Тип актуализации — прогностический. На уровне индикативной поверхностной функции данное представляет синтагма (а) и новое — синтагма (б). Дальше информация движется в «рематической» области на уровне глубинных функций следующим, примерно, образом: (1) «находить зерно» — хорошо → (2) «быть «слепой курицей» — не безнадежно плохой статус» → (3) (в зависимости от того, является ли актуальным адресатом сама «слепая курица» или кто-нибудь другой, например:) «не потеряй надежды «найти зерно», или «не думай, что тот, кого ты считаешь в общем «слепой курицей», не мог бы в отдельных случаях достигнуть успеха».

2-ая актуализация. Речь идет о том, что кому-то что-то удалось, причем никто из участников, кроме одного, ничего не знает о личности достигшего успеха. Компетентное лицо комментирует: «Так оно есть, и слепая курица найдет зерно.»

Актуализация является ретроспективной в том смысле, что движение происходит от известного к скрытому, от единичного к общему. На уровне поверхностной функции данным является синтагма (б), новым — синтагма (а), т. е. примерно: «Н. считается «слепой курицей». Далее получим на уровне эвалюативной глубинной функции: (1) «Н. в общем-то все же плохой (беспомощный, непонятливый или т. п.)», и → (2) отсюда прескрипция: «не думай, что достижение Н. было закономерным», и → (3) более общие указания для дальнейшего отношения к Н.

3-ья актуализация. «Зерно» «найден» и участники хорошо представляют себе, что за личностью является «нашедший» — эта информация в сумме является данным. В качестве нового выступает весь пословичный текст целиком, точнее две операции соединения: (1) «усиленное» описание этого противоречивого и неожиданного случая, перенос описания из Л-языка в П-язык, и (2) подведение единичного под правило, «доказательство» общего (т. е. пословицы) в единичном (т. е. в актуально данной ситуации). Между прочим, это единственный тип актуализации, в котором рассмотрение пословичного текста «знаком ситуации» может считаться обоснованным.

4-ая актуализация. Высказывание дается в абсолютном начале дискурса, или оно не имеет с рассматриваемым предметом и/или актуальной ситуацией никакой содержательной связи. Подобного рода употреблением пословиц увлекались некоторые драматурги (например, А. Н. Островский) при озаглавлении своих пьес, также они встречаются в экспозициях народных сказок, притч, басен и т. п. Здесь пословичный текст в целом создает данную информацию, а информация, даваемая в ходе последующей процедуры объяснения (т. е. рассказа или пьесы), является новой.

*

В мировоззренческом плане из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Пословица как текст, как единичное является семантически неопределенным потенциалом, который в общем случае содержит предпосылки как для прогрессивного, так и для реакционного ее применения.

2. Следует согласиться с авторами, утверждающими, что, (1) прослеживание мировоззрения народа на основании пословиц является сложной и трудоемкой задачей; (2) трудно установить время возникновения, исторический фон возникновения отдельных пословиц, их связь с конкретными социально-историческими фактами (В. П. Аникин, Д. М. Молдавский, Ю. М. Соколов, В. И. Чичеров); (3) существует очень мало пословиц, обстоятельства возникновения и классовая позиция которых были бы налицо (В. П. Аникин); (4) пословица не обязательно должна иметь только одно неизменное классовое содержание, а может со временем потерпеть большие изменения (М. А. Рыбникова, Ю. М. Соколов).

3. Мы не можем вывести мировоззрение пословиц непосредственно из общих концепций философской теории, а должны следить за пословичным репертуаром данного народа в целом. На последнее требование обращали внимание многие авторы (Т. М. Акимова, Р. И. Музафаров, А. Назаревич, К. Т. Самородов, В. И. Чичеров), об этом также идет речь в программных работах о фольклоре в целом, но к сожалению, практической реализации этого требования пока что не видно.

Глава III

ПОСЛОВИЦА КАК ОБЩЕЕ (РЕПЕРТУАР, СИСТЕМА)

1. О содержательной классификации пословиц

Существует очень много различных содержательных классификаций пословиц. Но все же, можно назвать крайне мало трудов, в которых создание семантической пословичной классификации было бы научной самоцелью, а еще меньше готовых классификаций, которые опирались бы на какие-либо объективные критерии. Существующие содержательные системы в основном выполняют лишь функцию технических подсобных средств во всякого рода изданиях текстов и, к сожалению, являются часто нелогичными, произвольными и тенденциозными. Созданию более качественных семантических пословичных систем препят-

ствует, в первую очередь, то, что при синтаксическом подходе к проблемам понимания и семантического описания текстов добавляются проблемы их семантического сравнения, включая необходимость конструирования единого описывающего весь репертуар метаязыка и мн. др.

Настоящее исследование рассматривает указанные ниже отдельные проблемы и старается связать обсуждение с попытками классификаций Г. Л. Пермякова³⁷ и М. Кууси³⁸ как наиболее новыми и видными.

1. Проблема минимальных единиц, различающихся в классификации: (1) насколько тонкие семантические различия мы намерены проводить и (2) должна ли классификация как «макротипология» сохранить и «микротипологию» пословиц, т. е. пословичную типологию в обычном фольклористском смысле?

Рассматриваются следующие возможности разграничения и осложнения при них.

1-ое разграничение. Различается каждая актуализация, понимаемая как единство текста и его контекста. Реализация полностью исключается (причины: (а) недостаток существующей информации о действительных условиях употребления пословиц; (б) трудности унифицированного описания такой информации).

2-ое разграничение. Различается каждый текст, который хоть немного отличается по словесному выражению. Классификации: (1) До сих пор не умели и не пытались описывать субтильную разницу значений, которая встречается в пословицах, близких по словесному выражению, или у вариантов пословиц, различающихся лишь грамматической формой: *По барыне и говядина ~ По барыне говядина, по харчевне едок ~ По барину и говядина, а по говядине и вилка; С поклона голова не заболит ~ Поклониться — голова не отвалится; Отольются кошке мышкены слезки ~ Отозвутся кошке мышкены слезки; Бабе дорога от печи до порога ~ Бабыя дорога от печи до порога* и т. п. (2) Если утверждать, что в приведенных примерах различие вовсе отсутствует, то возникает необходимость указать точнее, какие изменения в форме и словарном составе еще не

³⁷ См. Г. Л. Пермяков, Избранные пословицы и поговорки народов Востока, стр. 179—347.

³⁸ М. Kuusi, How can a Type-Index of International Proverbs be Outlined? — «Proverbium» 15 (1970), p. 57—60; его же, Towards an International Type-System of Proverbs. — «Proverbium» 19 (1972), p. 699—735.

обуславливают различий значений (и почему), а какие — уже обуславливают (и почему).³⁹

3-ье разграничение. Минимальной единицей различения является пословичный тип: постулируется, что значение пословицы как типа (т. е. сумма потенциалов значения всех ее единичных вариантов) не совпадает значением никакой другой пословицы как типа; вариативность внутри типа считается irrelevantной, т. е. остается ниже предела чувствительности нашей процедуры. Компликации: (1) Нет четкого разграничения того, какое именно явление мы принимаем за «одну и ту же пословицу» т. е. является ли *пословичный тип* понятием диахроническим или синхроническим, имеет ли он интерлингвальный или интралингвальный объем, является ли он «онтологическим» или текстологическим и т. д. (2) Деление какого-то количества текстов на разные пословицы до сих пор производили интуитивно, даже наиболее рациональные из предложенных критериев, как, например, критерий идеи и ядра М. Кууси⁴⁰, являются довольно импрессионистскими и не позволяют разрешить определенно многие спорные случаи. (3) В действительности границы пословичных типов являются иногда весьма четкими, иногда же весьма туманными, т. е. семантическое пространство наполнено пословицами очень неравномерно. В случае сверхплотной наполненности традиция могла почти полностью использовать все возможности выражения какого-нибудь понятия или идеи, так что все возможные лексические и грамматические трансформы встречаются и в действительности (например, уже в пределах архивного материала) и вместо четко разграниченных пословичных типов местами мы видим обширные «органические молекулы» (т. н. группы или семьи типов).

4-ое разграничение. Мы допускаем, что не только ва-

³⁹ В связи с вариативностью пословичных текстов указывается на ошибочное представление, будто пословицы являются «готовыми высказываниями» или клише, которые обращаются «в раз и навсегда сложившейся устойчивой форме» (см., например, Г. Л. Пермяков, *Избранные пословицы и поговорки народов Востока*, стр. 9; J. Lyons, *Introduction to Theoretical Linguistics*, p. 177; А. А. Гердт, *Русские и немецкие пословицы и поговорки*. Ростов 1965, стр. 6). Такие соображения могут возникать, когда материал, которым располагает исследователь, является малым или неполным или если он работает, в основном, над печатными источниками. Существующий опыт на базе более обширного архивного материала убедительно доказывает, что в живой пословичной традиции происходит пестрое и динамическое варьирование как в плане лексики, синтаксиса, так и эвфонии (для иллюстрации богатства синтаксических трансформ пословиц см., например, М. Kuusi, *Johdatusta sananlaskuston formula-analyysiin* — *Kalevalaseuran Vuosikirja* 47, Helsinki 1967, s. 73—80).

⁴⁰ М. Kuusi. *Sananparsiston rakenneanalyysin terminologiaa*. — «Virittäjä» 1963, № 3, s. 340; его же, *Ein Vorschlag für die Terminologie der Parömiologischen Strukturanalyse*. — «Proverbium» 5 (1966), S. 97—98.

рианты одной и той же пословицы, но и пословичные тексты, принадлежащие разным типам, могут иметь настолько близкое значение, что нет смысла и возможности их друг от друга отличать. Компликации: (1) Представление о том, что варианты разных пословиц могут быть семантически идентичными, в сущности потеряло бы связь между лексическим выражением и значением пословичных текстов, показало бы их семантически полностью немотивированными. (2) В данном случае особенно трудно было бы выработать единые критерии для объединения или различения пословичных синонимов, так как невозможно опираться на черты сходства и различия в лексической и грамматической манифестациях текстов.

Если исключить первую из приведенных возможностей разграничения и «умножить» остаток на альтернативы, связанные с сохранением/несохранением микротипологии, то получим следующие возможные решения.

I способ. Атипологическая версия второго случая разграничения. Элементарной единицей является единичный текст, все различия в словесном выражении текстов считаются семантическими. В качестве отдельного уровня пословичный тип не встречается, порядок классифицирующих операций является в принципе абсолютно свободным. Этот способ можно было бы использовать, в первую очередь, при огромном количестве текстов, в особенно плотно наполненных семантических сферах. Допустим отказ от иерархического способа изложения, замена его каким-нибудь комбинаторным. Может быть, реальнее всего оставить классификацию, так сказать, в положении ожидания, т. е. кодировать каждый текст соответственно его семантическим признакам, заботясь только о том, чтобы кодирование происходило по единым правилам в пределах всего репертуара и чтобы тексты с разным словесным выражением не получили одинаковых описаний.

II способ. Типологическая версия второго случая разграничения. Минимальными систематизируемыми единицами являются единичные тексты. Процедура проводится в следующем порядке: сначала группируются и описываются варианты внутри каждого типа, затем сравниваются разные типы между собой. Здесь соединяются компликации указанные под вторым и третьим случаями разграничения.

III способ. Реализация третьего случая разграничения (по степени чувствительности уже облигаторно типологическая). Для этого и следующего способов кажется целесообразным обозначить каждый пословичный тип каким-нибудь характерным единичным текстом. Эти же обозначения будут представлять не только самих себя, но целый тип.

IV способ. Типологическая версия четвертого случая разграничения. Чувствительность классификации не позволяет отличить все типы друг от друга. Способ является «типологическим» в том смысле, что классифицируемые тексты уже заранее выбраны таким образом, чтобы каждый из них был представителем иного пословичного типа, хотя принципы выбора и не были, может быть, совсем строгие. Этот способ мог бы быть оптимальным для представления тематически обширных пословичных массивов, например, в интернациональных классификациях.

V способ. Атипологическая версия четвертого случая разграничения. Минимальная чувствительность. Каждый систематизируемый текст представляет только самого себя. В каждый подкласс могут попасть как разнотипные синонимы, так и варианты одного и того же типа. Способ подходит для систематизации неплотной совокупности пословиц, в которой вообще представленные типы во всяком случае не представлены большим количеством вариантов.

В работе дается попытка определить расположение систем Пермякова и Кууси на приведенной шкале возможностей.

2. Направление конструирования классификации и некоторые вопросы метаязыка. Семантическую пословичную систему можно построить «снизу вверх» или «сверху вниз». В первом случае мы движемся от текстов к более общим, абстрактным конструкциям и пытаемся создать некоторые единые правила, при помощи которых мы постепенно удаляем семантические «переводы» от текстов, все более абстрагируясь от семантических признаков различия. Во втором случае мы постулируем небольшое количество самых общих категориальных понятий и признаков и через них определяем большое количество понятий низшего порядка. При объединении последних путем разных операций мы получили бы контингент всевозможных идей (или утверждений + оценок + стратегий) и присовокупили бы к каждой идее известное количество пословичных текстов, в которых эта идея представляется выраженной. В первом случае у нас создалась бы система, которая точно покрывает систематизируемый материал, во втором случае в системе предположительно остается много «незанятого места». «Сверху вниз»-метод кажется более заманчивым в том смысле, что мы смогли бы рассматривать классифицируемый репертуар как некий знак в рамках какой-нибудь более обширной системы. С другой стороны, есть опасение, что, во-первых, мыслимое количество всевозможных идей оказалось бы абсурдно большим и, во-вторых, при этом направлении конструирования где-то на более

низких уровнях системы неизбежно должен произойти «скачок» или произвольность при переходе от идей к текстам.⁴¹

По направлению конструирования системы Кууси и Пермякова являются противоположными: у Кууси «снизу вверх»-система (начинает с реального пословичного материала), у Пермякова «сверху вниз»-система (по крайней мере в принципе: исходит из определенных аксиом).

При способе «снизу вверх» возникает проблема, до какой степени целесообразно абстрагироваться от текстов и насколько выработанной должна быть грамматика описывающего значения пословичных текстов метаязыка (при способе «сверху вниз» абстрагирование и высокая грамматичность являются сами по себе предположительными).

Система Кууси не добивается уже по своему назначению особенно высокой грамматичности. Ее ранние образцы⁴² не стремились и к особенно крупным обобщениям: было предусмотрено только 3 уровня (микротип, подтип макротипа и макротип). В своей новой версии⁴³ система возросла на одну верхнюю ступень. В связи с этим максимум обобщенности метаязыка, а таким образом и необходимость в строгой грамматике резко возросли, хотя и действительная ступень грамматичности, по-видимому, осталась прежней. По правде говоря, и система Пермякова является довольно аграмматичной: так он не интересуется тем, какие отношения господствуют между парами терминов, обозначающих классы основного уровня системы (т. е. логико-тематические группы), и вообще между самими метаязыковыми элементами.⁴⁴

По отношению к вырабатыванию метаязыка следует сделать

⁴¹ Это потому, что правила для абсолютно плавного перехода от идей к текстам являются не чем иным как правилами синтезирования пословичных текстов. С другой стороны, эти правила должны быть все же сконструированы *ad hoc*, т. е. имея ввиду существующие тексты. Если применить эти правила в пределах всей системы данных идей, то целесообразность полученной таким путем текстовой (состоящей из «потенциальных пословиц») фоновой системы стала бы предельно сомнительной, так как предположительно действительное увеличение количества пословичных текстов создается не только в процессе применения существующих правил, но и добавления новых правил и нарушения существующих правил.

⁴² M. Kuusi, How can a Type-Index of International Proverbs be Outlined?, p. 57—58; его же, «In a community of defective or inhuman beings one will assume the prevailing defect or peculiarity» (Приложение к письму автора эстонской рабочей группе по пословицам от 3 мая 1971 г. (во владении адресата)).

⁴³ M. Kuusi, Towards an International Type-System of Proverbs, p. 712—728.

⁴⁴ Учитывая современный уровень развития фольклористики и семантики, ни в коем случае не следует принимать замечания насчет аграмматичности обсуждаемых систем за упреки. В качестве параллели можно указывать на такую же аграмматичность или «плоскость» понятийной аппаратуры, используемой в описаниях морфологии народных сказок (Пропц, Дандис).

и некоторые оговорки. С одной стороны, понятия, используемые при описании значений пословиц, должны быть строгими, т. е. (исключая самые общие из них) определяемыми друг через друга и таким образом совершенно однозначными. С другой стороны, в стремлении к такой цели скрывается опасность потратить большую часть энергии не на описание значений самих пословиц (т. е. того, какие объекты являются денотатами пословиц, что говорит о них пословица и как она это говорит), а на описание семантики М-языка или на описание действительности, что значило бы для паремиолога неблагоприятные исследования в области чисто лингвистической семантики или попытки создания модели мира с некоторым философским профилем. Наверное, все же абсолютно исключенными такого рода экскурсы, например, более точную формулировку ряда этических понятий, считать нельзя.

3. Содержательные противоречия между пословицами. Семантическая классификация пословиц содержит большое количество противоречащих друг другу предположений и должна бы дать и возможность для нахождения этих противоречий и сопоставления противоположных по идее пословиц. Большое достоинство системы Пермякова и состоит в том, что внутри каждой логико-тематической группы он пытается провести такие сопоставления; они проводятся и в новой версии системы Кууси.

Представление противоречий в классификации становится затрудненным скорее всего потому, что мы воспринимаем очень многие разные вещи «противоположностью» или «противоречивостью».

Приведем несколько примеров. (1) *Hitch your wagon to a star ~ Don't hitch your wagon to a star*: противоположности являются максимально точными, блок с-элементов сохраняется в прежнем виде, отрицание выражено чисто грамматическим путем. (2) *Magajale kassile ei jookse kunagi hiir suhu* (букв.: *Спящей кошке никогда не бежит мышь в рот*) ~ *Vahel jookseb ka magajale kassile hiir suhu* (букв.: *Иногда бежит и спящей кошке мышь в рот*) ~ *Magajale kassile jookseb alati hiir suhu* (букв.: *Спящей кошке всегда бежит мышь в рот*)⁴⁵: предложения имеют разные кванторы (отрицание ~ существование ~ общность). (3) *Hallpead austa, kulupead kummarda* (букв.: *Седую голову уважай, седой голове поклонись*) ~ *Inimene on kaks korda elus laps* (букв.: *Человек дважды в жизни бывает ребенком*): пословицы отрицают друг друга где-то на очень обобщенном уровне описания в аксиологическом (видимо, и в прескриптивном) плане.

Семантических параметров пословицы настолько много и наши интуитивные представления о значениях пословиц настолько неопределенны, что без специального исследования невозможно указать даже условные границы, где их смысловая

⁴⁵ Последний вариант в эстонской традиции отсутствует, хотя сама идея является традиционной — ср. *Laisk koer — hea õnn* (букв.: *Ленивая собака — доброе счастье*) и т. п.

адекватность видоизменяется в синонимичность, а последняя, в свою очередь, в какую-то «просто тематическую» или функциональную близость; где такие тематически близкие пословицы являются семантически индифферентными по отношению друг к другу, а где между ними появляется момент противоречия, или когда, наконец, пословицы становятся настолько далекими друг от друга, что нельзя говорить не только об их синонимичности или антонимичности, но и вообще ни о какой сравнимости кроме самых общих жанровых признаков. Во всяком случае классификация должна добиваться более строгого учета того, в каких аспектах вообще следовало бы искать семантические несопоставляемости, какими являются более конкретные дистинкции, какие из противоположностей являются контрадными, какие контрадикторными и т. д.

4. Проблема пересечения пословичных классов. В системах Пермякова и Кууси признаки основных классов сформулированы двумерными, т. е. описания пословичных текстов представлены в виде предположений. Такой способ описания имеет перед системами с обычными одномерными (и часто очень «номинально» обозначенными) классификационными признаками существенные преимущества. Но явно и то, что дву- или многомерная система на самом деле не устраняет извечную опасность пересечения классов, а лишь продвигает пункты пересечения несколько выше. Любая х-мерная система координат может действовать эффективно лишь при следующих условиях: (1) каждому классифицируемому тексту можно присваивать не более, чем х семантических признаков; (2) следует установить устойчивые правила предпочтения в тех случаях, когда оказывается необходимым присваивать тексту более, чем х признаков; (3) метаязыковая аппаратура должна быть и внутренне упорядоченной и строгой. Эти условия явно не соблюдаются в обеих обсуждаемых системах. Благодаря содействию нескольких объективных и субъективных факторов в системе Пермякова и встречается множество случаев, когда тексты с близким или идентичным словесным выражением попадают в разные классы. Возникновению подобных ошибок содействовали два следующих теоретико-методических положения автора.

(1) Мнение, что (логические или актуальные) ситуации являются инвариантами по отношению к высказываниям, которые их означают, и высказывания являются вариантами по отношению к ситуациям, которые они означают, — создает представление, что мир ситуаций членится дискретно на расположенные отдельно друг от друга «галактики», «ядром» каждой галактики является ее Инвариант, а всякая общая часть у разных галактик отсутствует. Классифицирование пословиц кажется, таким образом, очень тривиальным, почти что само собой происходящим. На самом же деле в системе Пермякова повторяется

обычная старая ошибка: объединение предложений в классы по одному признаку (одним признакам) неизбежно приводит к разрыву их возможных совпадений с некоторыми другими, помещенными в другие классы пословицами по какому-нибудь другому признаку (другим признакам). Точно так как один и тот же «инвариант» представлен во многих разных текстах, так и каждый текст содержит манифестации разных «инвариантов», и понятия и их отношения в этом тексте можно абстрагировать в направлении всех этих «инвариантов».

(2) Деление плана содержания пословиц на два подплана — на так называемый логико-семиотический план и план реалий и присвоение решающей роли первому из них: «... пословицу делают не реалии, а логическая конструкция...».⁴⁶ Практически это означает, что план содержания пословицы делится на синтагматический и парадигматический аспекты и декларируется, что синтагматику целесообразно рассматривать, не обращая на парадигматику особого внимания, т. е. что рационально описывать семантические отношения между словесными элементами пословичного текста, не обращая внимания на то, какими являются прямые значения самих этих словесных элементов. Такое положение дает большую свободу произвольности интерпретации. Ущерб, происходящий от игнорирования семантики «реалий», не ограничивается только тем, что покрываются эмотивные нюансы и оттенки между синонимичными пословицами, но зачастую следует опасаться того, что семантические различия таких пословиц самым прямым образом достигают уровня денотации.

В работе приводится множество примеров из системы Пермякова, где тексты с очень близким словесным выражением (или даже идентичные) попадают в разные классы, и делается попытка проанализировать причины возникновения этих ошибок. Представлены и критические мысли в связи со статьями-образцами Кууси «Two (rivals do not agree) in one (place)» и «In a community of defective or inhuman beings one will assume the prevailing defect or peculiarity». Особое внимание уделяется следующим моментам: (1) факторам, рассеивающим семантическую гомогенность пословичного класса и исходящим из различия с-элементов в разных пословицах; (2) отношениям метатекста (описания, «заглавия» пословичного класса) с текстами, содержащимися в классе, проблеме точности и исчерпываемости заглавия класса; (3) возможностям изменения классовых признаков, уменьшения и увеличения семантических ограничений и т. д.⁴⁷

Суммируя, можно перечислить основные факторы, которые позволяют исследователю описывать один и тот же текст несколькими разными способами и помещать близкие или совпадающие тексты в разные места классификации. (1) Описание в отдельных случаях может исходить из разных слов в пословичном тексте

⁴⁶ Г. Л. Пермяков, От поговорки до сказки, стр. 19.

⁴⁷ Проблематику и некоторые примеры см. и А. Krikman, Some Difficulties Arising at Semantic Classifying of Proverbs. — «Proverbium» 23 (1974), p. 865—879.

те и в отдельных случаях отражать разное количество словесных элементов текста и их отношений. (2) Семантический потенциал пословичного текста можно описывать в отдельных случаях с различной подробностью и на разной ступени общности, экстрагировать из текста то больше, то меньше семантических признаков. (3) При описании за основу можно брать то поверхностную функцию текста, то какую-нибудь из глубинных функций.

2. Еще раз о мировоззрении пословиц

1. О связи пословиц с философией. Многие авторы у нас и за рубежом называют пословицу народной философией. Можно задать вопрос: обосновано ли это? Если понимать философию в ее строгом современном значении, то сразу же обнаруживается ряд различий.⁴⁸ (1) Философия является отражением научного, теоретического, пословица же — обыденного мировоззрения. (2) Язык философии является терминологическим, однозначным, язык пословицы образный, многозначный. (3) Философская теория стремится к возможно более компактной системе внутренне согласованных взглядов; пословичный репертуар и в синхронном разрезе является диффузным, не координированным общей волей и общим опытом, набором эмпирических законов, представлений и норм, своего рода «осколочной философией». Фольклорное применение делает неизбежным противоречие между утверждениями, оценками и императивами различных пословиц. (4) Философская система начинается с постулирования ряда очень общих понятий и отношений и развивает свои конструкции «сверху вниз», на отдельные более конкретные сферы. Пословица же прикована как по генезису, применению, так и по функциям к конкретной повседневной жизненной практике: из нее она черпает свои аллегории и заключения и направляет свою дидактику так же непосредственно обратно в эту повседневную практику.

Пословица более напоминает философию в исторической ретроспективе.

В то время, как из лона мифологического мировоззрения вышли науки и философия, социальное сознание еще далеко не разделилось на формы со столь ясной спецификой как сегодня. Так как теоретической формы мировоззрения в настоящем смысле этого слова еще не было, то не могло существовать и оппозиции между теоретическим и обыденным миро-

⁴⁸ На некоторые из приведенных ниже различий в литературе уже указывалось (см. К. С. Давлетов, Фольклор как вид искусства, стр. 200—202; С. Омарбаев, Стихийный материализм и антирелигиозные мотивы в народном мировоззрении, стр. 12; В. И. Чернов, Философия и фольклор, стр. 6, 20.

воззрениями. Отсутствовало острое различие иррационального (мифологического, магико-религиозного) и рационального, прагматической и чистогносеологической ценностей знаний. Связь философии с повседневным, практическим была в античности более непосредственной, чем сегодня, как в аспекте источника, так и в аспекте цели. В нашем контексте особенно существенной является последняя, прескриптивная функция, стремление к направлению практики, стремление формировать и нормировать отношение человека к жизни и его поведение. Эту функцию можно, как уже сказано, считать главной функцией пословицы. Именно выполнение этой функции может своей первичной задачей ставить и философское знание. В античности это стремление было особенно характерным для учений эпохи эллинизма — стоицизма, скептицизма и эпикуреизма.⁴⁹ Более того, философия в принципе не обязательно должна начинаться с натурфилософии, как в Древней Греции, она может начинаться как раз с этики, как например, в Китае⁵⁰ и прикладная («жизнефилософская», дидактическая) направленность может оставаться свойственной философии в течение всей истории ее развития, как например, в Индии⁵¹.

В древнем фольклоре пословица была не единственным жанром, который действовал на поприще проповедования жизненной мудрости; этим же занималась и басня. В связи с басней особенно остро выступает вопрос о соотношении поэтического начала и других (философского, мифологического, риторического)⁵², о соотношении поэтико-метафорического переноса и научно-логического и религиозно-мифологического, о соотношении чисто эстетической, гносеологической и дидактической функций культурного текста и т. д. Кажется, что исторически поэтическая и научно-теоретическая формы изложения не были жестко отделены друг от друга. С одной стороны, в истории можно привести множество примеров культурных текстов, о которых трудно сказать, принадлежат они к области науки, религии или поэзии. С другой стороны, пословица и другие афористические жанры не являются вполне типичными представителями поэтических текстов, а относятся к пограничной области между поэтическим и непоэтическим.⁵³

⁴⁹ См. Т. И. Ойзерман, Проблемы историко-философской науки, стр. 25—26.

⁵⁰ См. А. Н. Чанышев, Эгейская префилософия. М. 1970, стр. 178.

⁵¹ См. Т. И. Ойзерман, Проблемы историко-философской науки, стр. 26.

⁵² См. А. С. Выготский, Психология искусства. М. 1965, стр. 117—155; М. Л. Гаспаров, Античная литературная басня. М. 1971, стр. 7—12.

⁵³ См. А. Я. Сыркин, Об отдельных чертах научного и художественного текстов. — Уч. зап. ТГУ. Вып. 181. Тарту 1965, стр. 87. По мнению Сыркина, к числу таких философско-поэтических, поэтико-религиозных и т. д. текстов принадлежат, например, поэмы Парменида и Лукреция, персидские и индийские стихотворные трактаты и дидактические сборники.

Может быть, самым кардинальным из всех различий между пословицей и философией является различие по диффузности/компактности, однако в античности можно найти и примеры диффузной формы проявления философии и ее предступней, например, афоризмы так называемых семи мудрецов, многие из которых, как предполагается, имеют фольклорное происхождение, как и диатрибы в форме диалога.⁵⁴

Таким образом, может быть, действительно позволительно условно называть пословицу народной философией, учитывая, что она является, в основном, выражением мирозерцания народных масс, и учитывая генезис форм общественного сознания, на начальных ступенях которого различие между теоретическим и дидактическим знанием, научной и поэтической формами, системностью и диффузностью взглядов часто очень неопределенное. Правдоподобным представляется и мнение А. Н. Чанышева о том, что к моменту возникновения античной философии в рамках существующего рядом с мифологическим мировоззрением обыденного мировоззрения уже бытовали и пословицы, которые наряду с другими источниками (мифология, начала наук) могли стать материалом для построения и философских концепций.⁵⁵

2. Пословица как синкретизм форм общественного сознания.

В условиях ранних формаций классового общества, когда народным массам практически не доступны многие формы общественного сознания (философия, наука, политика), фольклор должен был взять на себя функции всевозможных культурных текстов народа. Фольклор синкретичен не только в том смысле, что в одном и том же фольклорном акте одновременно могут присутствовать элементы многих различных видов искусства. В фольклорных текстах запечатлены, в прямом смысле слова, начатки всех форм социального сознания, большая часть культурной информации, которую народ передавал из поколения в поколение. Здесь мы находим его нравственные убеждения, его действительную религию, его эстетические понятия, обрядовые положения, космогонические представления, начала прикладных наук (медицины, зоо- и агротехники).

Хотя пословичный репертуар каждого народа и предлагает множество наблюдений над эмпирическими законами, господствующими в не-человеческом мире, и дает большое количество практических хозяйственных наставлений — все же центр внимания пословицы находится не на отношениях человека и

⁵⁴ Ф. Х. Кессиди констатировал и о фрагментах Гераклита как их связь с поэтической, особенно фольклорной афористикой, так и известную несистемность и вообще диффузность учения Гераклита (см. Ф. Х. Кессиди, От мифа к логосу. М. 1972, стр. 183—203, особенно 186—188, 201, 203).

⁵⁵ См. А. Н. Чанышев, Эгейская префилософия, стр. 196—198.

природы, человека и вещей, человека и бога, а на отношениях человека и человека.

Таким образом, в пословице следовало бы, в первую очередь, искать проявления социальной психики и/или нравственного сознания и/или идеологии. Последняя из этих возможностей, видимо, отпадает уже по самым общим признакам: классовая позиция пословицы является не осознанной, а спонтанной, пословица не служит только выражением классового сознания, она не познает классовые интересы в более далекой исторической перспективе, отдельные пословицы позволяют вливать в себя несколько различных классовых содержаний и т. д. Дальше уже очень трудно разграничивать социально-психические и моральные аспекты пословицы, так как (1) у нас нет почти никакого обзора внутренней структуры пословичного репертуара ни одного народа как содержательно-мировоззренческого целого; (2) мы плохо знаем поведение каждой отдельной пословицы в традиции; (3) этика — и особенно социальная психология являются, может быть, наименее разработанными частями в марксистской теории вообще.⁵⁶

3. Миpовоззренческие противоречия между пословицами.
Предлагаем некоторые уточняющие заметки о внутренних про-

⁵⁶ До последнего времени спорными остаются, например, такие вопросы: (1) что должно быть предметом исследования социальной психологии (элементами социальной психики), или (а) только социальные чувства, настроения, установки и т. п., или (б) кроме них и традиции, обычаи, обряды и т. п., или (в) кроме них и социальные взгляды и убеждения, или (г) чувства и взгляды, но не традиции; (2) следует ли социальную психику считать только (или скорее всего) выражением обыденного сознания и можно ли ее считать низшей ступенью среди компонентов обыденного сознания; (3) следует ли считать социальную психику именно формой массового сознания; (4) можно ли оценкам и суждениям, связанных с моралью, присваивать ценности «истинное» или «ложное»; как соотносятся благо и истина; в каком смысле можно говорить об объективности нравственных суждений; каково соотношение теории и оценки, какова связь логического и социального аспекта в оценке; можно ли из фактосуждений выводить ценностные суждения; (5) каковы критерии морального прогресса; (6) как отличаются моральные нормы от иных норм и т. д. и т. д. — см., например, в работах А. И. Анищенко, Г. Г. Дилигенского, О. Г. Дробницкого, А. А. Ивина, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальсона, В. П. Коблякова, Л. В. Коноваловой, Н. Н. Куликовой, И. Левыкина, М. М. Мокроусова, Б. Д. Парыгина, Р. В. Петропавловской, Р. М. Самсонова, Ю. В. Согомонова, А. И. Титаренко, В. П. Тугаринова, А. К. Уледова, Т. В. Холостовой, Г. Янковского и т. д. О. Г. Дробницкий прямо утверждает, например, что мораль пропитывает все формы социального сознания и другие формы духовной человеческой деятельности и ее отсюда очень трудно экстрагировать (см. О. Г. Дробницкий. Природа морального сознания. — «Вопросы философии» 1968, № 2, стр. 27). В социальной психологии особенно затрудненным оказался подход именно к психике так называемых больших групп, т. е. классов, наций и т. д. (см. Г. Г. Дилигенский, Марксистская концепция классового сознания и ее критика. — «Вопросы философии» 1969, № 2, стр. 17); пословицы же именно в этом плане обещают представлять большой интерес.

тиворечиях пословичного репертуара в мировоззренческом аспекте.

(1) Преждевременной является попытка всегда видеть за противоречивостью пословиц обязательно классовый или мировоззренческий антагонизм их создателей или потребителей, так как (а) многие тексты уже сами представляют возможности как для прогрессивного, так и для реакционного их использования; (б) можно привести множество примеров пословиц, которые несомненно противоречивы, но семантическая основа противопоставляемости не является ни классово, ни мировоззренчески чувствительной и очень трудным оказывается дать им какую-нибудь более твердую оценку.

(2) Некоторые исследователи настолько сильно подчеркивают наличие и значительность как передовых, так и реакционных тенденций в мировоззрении пословиц, что возникает парадоксальное ощущение, будто сумма этих тенденций должна далеко превысить 100%. Во избежание этого необходимо, чтобы в начале наблюдения пытались получить хотя бы приблизительные квантитативные данные о том, насколько вообще часто встречается одна или другая тема в репертуаре, представлены ли оба члена противоположных решений известной проблемы примерно одинаковым количеством материала или один из них явно доминирует, либо одного из антиподов в традиции вообще не существует и т. д. Конечно же эта процедура предполагает наличие хороших архивов и большого количества текстов.

(3) В репертуаре можно найти две явные противоположности и представить, как антагонистические классы боролись с их помощью, но может обнаружиться, что одна из них была мертва уже тогда, когда родился противник, и в действительности они в традиции и не встречались.⁵⁷

4. Единство пословичного репертуара. Несмотря на противоречия, в познании и «творческом методе» пословиц каждого народа есть нечто единое. Более того, даже у тех народов, между которыми исключено даже косвенное заимствование, мы находим большое количество совпадающих или аналогичных по своей «логике метафоры» высказываний.⁵⁸

⁵⁷ На эту возможность указал и Э. Кольман, Книга о логике народных пословиц — «Вопросы философии» 1958, № 4, стр. 153.

⁵⁸ На тождество идей и метафоры пословиц разных народов из советских авторов (до Пермякова) обратили внимание, например, В. Кафаров, Слово к читателю. — Вступ. статья к кн.: Ларец жемчужин. Азербайджанские народные четверостишия-баяты и пословицы. М. 1967, стр. 11; А. Назаревич, Жизнь народа в его метком крылатом слове. — Вступ. статья к кн.: Отбранное по крупицам из дагестанской коллекции пословиц и поговорок. Махачкала 1958, стр. 8, 11; М. Т. Пинаев, Сокровищница народной мудрости. — Вступ. статья к кн.: Избранные пословицы и поговорки. Сост. С. Л. Бреслав и И. Ф. Семенец. Сталинград 1958, стр. 21 и сл. Множество примеров о подобных соответствиях см. Г. Л. Пермяков, Избранные пословицы и поговорки народов Востока, стр. 181—347.

Источниками глобального единства паремиологического круга идей А. Рейцак считала (1) единство классовой среды возникновения пословиц и подобия в социально-историческом процессе развития разных народов; (2) единство действительных этических норм у разных народов; (3) тождество человеческого познания, которое вносит в пословицы одинаковое понимание каузальности, единство хода мыслей и логики.⁵⁹ Эти тезисы кажутся в принципе весьма рациональными, но все же, несмотря на это, практическое различие общечеловеческих, классовых и национальных факторов и особенностей в содержании пословиц очень трудно и мы должны смириться с тем, что пока паремиологи о них ничего более подробного не знают.⁶⁰

5. Каким же является мировоззрение пословиц? Из предыдущих частей, видимо, становится ясным, что разработка более состоятельной методики исследований, связанных с мировоззрением пословиц, и ее применение относительно большого количества материала не по силам одному исследователю и не может уложиться в рамки одной работы. Полагая необходимым дать и свою содержательную оценку положениям, прореферированным в начале работы, и собственную содержательную разработку мировоззрения пословиц, однако надо сказать, что это возможно здесь лишь на уровне впечатлений и гипотез. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что с точки зрения метода ниже следующие критические и конструктивные тезисы ненамного лучше критикуемых нами положений. Осмелимся все же утверждать, что эти представления опираются на довольно длительный опыт работы над эстонскими пословицами, также на эмпирические впечатления от пословиц других народов, особенно русских и финских, и, наконец, на некоторые аргументы теоретического склада.

В работе представлено более подробное обсуждение прореферированных в I главе отдельных положений. Ниже приводятся лишь некоторые контраргументы на более существенные по содержанию утверждения, а также критические замечания по поводу используемого метаязыка.

(1) Разумеется, мы не можем согласиться с агностическим положением И. Левина о том, что пословицы вообще не отражают нравственных и других убеждений и взглядов народа. Но следует признать вполне обоснованным предостережение Левина о том, чтобы мировоззрение народа не пытались вычитать из

⁵⁹ A. Reitsak, Valimik vene vanasõnu eesti vastetega, lk. VIII; ср. также М. А. Рыбникова, Русские пословицы и поговорки. М. 1961, стр. 11.

⁶⁰ Довольно разные мнения бытуют, например, по поводу того, нашли ли отражение в пословицах особенности национальной психики. Такие гиганты паремиологии, как Ф. Зайлер и А. Тейлор сомневались в этом, другие же исследователи (Э. Вестермарк, Р. Абрахамс) убеждены в обратном.

нескольких отдельных пословиц и чтобы на основе этих нескольких примеров не делали далеко идущих теоретических выводов.

(2) Отображение классовых противоречий, материального неравенства, эксплуатации, бесправия народа, его нищеты, отчаянья и т. п. совершенно очевидно, как и отражение гнева против помещиков, духовенства, судей и тому подобных и насмешки в их адрес. Описывающий же эти установки метаязык у некоторых авторов настолько высокопарен, что остается неясным, что в описании является отражением действительности, что — сознания и оценок народа, а что — отражением сознания самого исследователя (т. е. толкованиями сознания народа, оценками, даваемыми оценкам народа).

(3) Некоторые авторы явно преувеличивают функцию пословиц как орудия борьбы. Если пословицы действительно выражали отношение народа к общественным условиям, угнетателям и т. п., то вряд ли они имели решающее значение в формировании этого отношения: о последнем заботилась в основном, видимо, сама повседневная жизненная практика. Прескриптивные рекомендации пословиц в отношении социальной несправедливости и эксплуататоров являются, как кажется, довольно пассивными: постарайся свести убытки до минимума, воруй из поместья; если возможно, не ходи в церковь; вкладывай в работу на помещика минимум усилий; избегай контактов с господами и т. д. Пословица не видит никаких возможностей для опровержения социальной системы угнетения в целом, более того — он даже никогда не доходит до этого вопроса. Пословицы не являются собранием революционных призывов к борьбе и никогда ими не станут. Очевидно, можно показать развитие мировоззрения народа и на основе пословиц, однако для уточнения того, в чем конкретнее это развитие заключалось, требуется более глубокое знание социологии пословиц. Вряд ли этот прогресс настолько гладок и линеарен, как пытаются показать некоторые исследователи, и, так как пословицы были преимущественно крестьянским творчеством, вероятно, чтобы выражения этого прогресса могли достигнуть особенно высокого уровня.

(4) Более специального и трезвого исследования требует вопрос пословиц пролетариата, а также проблема современного состояния пословиц и их исторической судьбы вообще. К этим вопросам не следует подходить с позиции прежних представлений «непрерывного роста» и «всестороннего процветания». Является малое количество известных пролетарских пословиц результатом того, что их мало записывали? Почему же в таком случае в довольно большом количестве записан, например, пролетарский песенный репертуар? Скорее всего, ни роль выразителя пролетарского сознания, ни расцвет и всестороннее развитие

после победы Октябрьской революции не были исторической судьбою пословицы, но напротив, именно с эпохи развития капитализма пословицы стали отходить на второй план, как и полагает К. С. Давлетов. Дело в том, что в более ранние периоды, в докапиталистических формациях, пословица имела первичную, прямую, непосредственную гносеологическую и мировоззренческую ценность. Начиная же с эпохи капитализма, когда рабочим классам уже в какой-то мере становится доступным и образование, а особенно с тех пор, когда создается марксистская теоретическая идеология — начиная с этого и по причине этого пословица как синкретическая форма выражения социального сознания народа (и именно крестьянства) теряет свое прежнее значение в качестве непосредственного выразителя жизненных истин. В дальнейшем она может выполнять только риторическую функцию, либо поэтизируя положения некоторого теоретического учения, либо противостоя им в качестве представителя обыденного сознания. По крайней мере современное состояние эстонских пословиц убеждает нас в том, что развитие шло именно в таком направлении. И вне идеологического аспекта пословица также имеет мало перспектив на процветание. В качестве выразителя всякого положительного знания она потеряла свой прежний авторитет, так как для этого человек теперь владеет гораздо более надежными средствами; опора на «авторитет предков» для современного человека уже не убедительна. В связи с тем, что в современной восприятии поэтики «принцип тождества», видимо, заменен «принципом противопоставления», в современную эпоху пословица крайне комизировалась. В своем современном виде пословица является великолепным примером того, как человек «смеясь расстается со своим прошлым».

(5) Совершенно ложным и субъективным кажется присвоение пословицам оптимистического отношения к жизни и светлых надежд на будущее. Весьма вероятно, что указанные тезисы включены в концепцию путем произвольного развития некоторых мыслей В. И. Ленина и М. Горького. Во-первых, пословица вообще не занимается тем, чтобы прогнозировать более далекое будущее. Во-вторых, фольклор имеет для выражения мечтаний другие, гораздо лучшие средства (песни, сказки). В-третьих, если понимать оптимизм пословицы именно как социальный (а не просто биологический), то неизбежно мы попадем в противоречие с тезисом марксистской философии о том, что только действительность, практика может быть источником познания. Если социальное сознание и может обогнать социальное бытие, то только как внешнее, существующее в данный момент; если оно может прогнозировать тенденции развития действительности, то в конечном итоге за этим стоит все та же действительность,

которая объективно имеет эти тенденции развития.⁶¹ Социальное бытие феодального крестьянина вряд ли давало основание для мало-мальского оптимизма, а информации, которой он владел, было далеко недостаточно для того, чтобы уловить исторические тенденции развития общества; он не мог видеть никаких реальных сил, которые могли бы принести ему свободу и равенство и т. д. Если вспомнить, что даже высокообразованные демократические просветители XVIII века не смогли придумать ничего кроме абстрактных утопий и что пролетариат как классовая сила вступил в России на арену общественной жизни только в последние десятилетия XIX века, а его вооружение марксистской теорией не произошло само по себе, но потребовало еще длительного времени и больших усилий,⁶² то тем невероятнее кажется оптимизм пословиц. Если источником этого оптимизма не могло быть эмпирическое воззрение и (поэтому) также не теоретические конклюдэнсы, то остается только полагать, что мы имеем дело с какой-то интуицией религиозного склада, проявлением особого «духа народа», что в конечном итоге может оказаться уже опасно идеалистическим представлением.

(6) Разработку нравственных взглядов народа многие авторы производят примерно по следующей процедуре: (а) берется список человеческих качеств, установок и образов поведения, которые коммунистическая мораль считает положительными, и ряд таких, которые она отрицает; (б) утверждается, что в пословицах одобряются (или что народу были свойственны) все черты первого типа и осуждаются все черты второго типа. Не говоря о том, что ряд терминов нуждаются в уточнении уже на уровне языка науки и такие слова, как *честь*, *стыд*, *совесть* и т. п., в архаическом контексте не обязательно совпадают с соответствующими омонимичными терминами в марксистской этике, — здесь не раскрываются системность этических норм, проявляющихся в пословице, более общие принципы,⁶³ на которые они опирались, их функция как соци-

⁶¹ Против положения, что сознание может отставать от бытия, полемизировал С. М. Ковалев, который подчеркивает, что это отставание может быть лишь относительным (см. С. М. Ковалев, Отстает ли сознание от бытия? — «Вопросы философии» 1969, № 5, стр. 129—130).

⁶² Ср., например, замечание В. И. Ленина: «... социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм вносится идеологами.» (В. И. Ленин, Письмо «Северному союзу РСДРП». — Полн. собр. соч. Изд. 5-ое. Т. 6, стр. 362—363).

⁶³ О принципах и идеалах как о высших в историческом и ином смысле элементах в структуре морального сознания см. и О. Г. Дробницкий, Природа морального сознания; его же, Моральное сознание и ее структура. — «Вопросы философии» 1972, № 2.

альных регуляторов. Также остается неясным, говорится ли о нормах как об идеалах или как о действительном поведении. Вся проблема решается на уровне абстрактного «само собой разумеется».

(7) При описании «чисто-философского» содержания пословиц (в основном В. И. Черновым) следовало бы не выпускать из виду, что мы имеем дело именно со стихийным материализмом. Игнорирование этого обстоятельства приводит, например, к следующим ошибкам: (а) утверждениям, представленным в пословицах, присваивается качество слишком серьезно-философских высказываний, они рассматриваются виртуальными «вещами в себе», хотя в действительности сомнительно, можно ли приписать некоторому конкретному пословичному тексту какое-либо содержание кроме того, которое он имел в действительных актуализациях; (б) остается неясным, что в упомянутых интерпретациях вытекает из самого описываемого объекта (т. е. пословицы), а что из особенностей сознания описывающего и применяемого метаязыка; (в) теряется специфика пословицы как стихийно-материалистического феномена: при такого рода описании становится безразличным, является ли описываемый объект пословицей или любым языковым высказыванием типа *Жучка есть собака, Иван есть человек* и т. д.

(8) Переоценивание относительной самостоятельности идей стало причиной еще одного важного неправильного положения — представления о том, что главной причиной существования реакционных и антинародных тенденций в идейном содержании пословиц была идеологическая диверсия правящих классов, то, что священники и другие выдумывали реакционные высказывания, старались их всеми средствами коварно укоренять в традиции и что зачастую их стремления оказывались успешными. Дело, однако, вовсе не в том, что они не пытались этого делать. Эстонская пословичная литература ясно показывает, что пытались, и еще как, и через народные книги, и через народные календари и другую потребительскую литературу, когда она возникла, и через кафедру много раньше. Людей всегда преследовало ложное представление о том, что пословицы можно делать, что фольклору можно что-то попросту навязать в волюнтаристском порядке, «укоренить» в него или что идеи вообще можно распространять совершенно произвольно, невзирая на то, какой является социальная сущность адресата и в каком положении находится его сознание.⁶⁴ Это представление крайне ложно. «Мораль, которая идет вразрез с интересами людей, с «эгоизмом рода», неизбежно оказывается бессильной проповедью,» пишет Ю. В. Согомонов.⁶⁵ И фольклору нельзя

ничего навязать, если для восприятия этого в сознании и бытии носителей фольклора отсутствуют предпосылки. У фольклора мощные средства самозащиты, при помощи которых он вытесняет все то, что представляется в данный момент народу чуждым или враждебным, будь оно в конечном итоге реакционным или прогрессивным.⁶⁶ Если народ воспринял нечто, что мы сегодня считаем реакционным, то для этого обязательно были предпосылки в его же сознании и бытии, в двойственных стремлениях крестьянства как класса.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о Библии. Традиционное сугубо отрицательное отношение к Библии является, с паремиологической точки зрения, совершенно неуместным. Библия — очень важный паремический источник, который существенно обогатил пословичный репертуар почти всех европейских народов. Многие библейские тексты имеют фольклорную основу и в содержании многих пословиц, исходящих оттуда, нет ничего антинародного и неприемлемого. Эстонские источники позволяют вполне отчетливо следить за тем, что из Библии было воспринято (и насколько популярным оно стало) и что было отвергнуто народным сознанием, хотя в литературе XVIII—XIX вв., а в устных церковных проповедях, очевидно, уже и раньше, это активно «укоренялось». Из Библии исходят такие широко распространенные высказывания, не имеющие никакого религиозного звучания, как *Kes teisele auku kaevab, see ise sisse kukub* (букв.: Кто другому роет яму, тот сам в нее попадет); *Teise silmas näed pindu, aga oma silmas palki ei rane tähele* (букв.: В чужом глазу занозу видишь, а в своем не замечаешь бревна); *Kes luult külvab, see tormi lõikab* (букв.: Кто ветер сеет, тот бурю жнет); *Kuidas töö, nõnda palk* (букв.: Какова работа, такова вознаграждение); *Kes ei tee tööd, see ei pea ka sööma* (букв.: Кто не работает, тот и не должен есть); *Töö kiidab tegijat* (букв.: Труд хвалит работника); *Vaene on rikkaka poog* (букв.: Бедный — пища богатого) и многие другие. Зато получили холодный прием или были полностью отвергнуты такие высказывания, как *Oma palehigi sees pead sa leiba sööma* (букв.: В поту лица своего должен ты хлеб есть); *Kel on, sellele peab antama, ja kel pole, sellelt peab võetama viimasegi* (букв.: У кого есть, тому должно дать, и у кого нет, от того должно взять последнее); *Armasta oma ligimest nagu iseennast* (букв.: Возлюби своих ближних, как самого себя); *Sinu pahem käsi ei pea teadma, mis su parem käsi teeb* (букв.: Твоя левая рука не должна знать, что твоя правая рука творит); *Kus mu vara, seal mu süda* (букв.: Где мое добро, там мое сердце); *Jumalakartus on tarkuse hakatus* (букв.: Боязнь перед богом есть начало ума); *Jumal jagab igaihele tema osa* (букв.: Господь выделит каждому его долю) и другие прочие. Причины такой дифференциации очевидны уже с первого взгляда.

В конце работы приводятся некоторые гипотезы автора этого исследования, которые характеризуют мировоззрение пословиц. (Концепция автора наиболее близка к концепции К. С. Давлетова).

1. Пословицы являются отражением мировоззрения трудящегося народа, его социального сознания в синкретической фор-

⁶⁶ На это важное обстоятельство указано, например, в Е. Ногманн, *Sotsiaalsete vahekordade kajastusi eesti vanasõnades*. — Eesti NSV TA Riikliku Kirjandusmuuseumi Aastaraamat I. Tartu 1949, lk. 161; также Н. Ф. Бабушкин, *О марксистско-ленинских основах теории народно-поэтического творчества*, стр. 108.

⁶⁴ Ср. Г. Янковский, *Просветительские иллюзии и снобизм эксперта*. — «Вопросы философии» 1969, № 1, стр. 102.

⁶⁵ Ю. В. Согомонов, *Добро и зло*. М. 1965, стр. 23.

ме, в которой преобладают элементы социальной психики и морали.

2. Пословицы отражают обыденное сознание, они связаны с конкретным, с повседневной жизнью и деятельностью как в плане источника, так и в плане потребления. Пословицы на редкость сильны в конкретных вопросах и показывают четко, как обыденное сознание, «весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования»⁶⁷, т. е. в суждениях о любых объектах, которые удалены от обычного, повседневного, известного либо во времени, либо пространстве, либо по степени абстрактности и т. п.⁶⁸

3. Центр интереса проблематики пословиц находится на человеке, мирозерцание пословиц является антропоцентристским. Далее, фактическая же информированность носителей пословичной традиции относительно мала; в то же время пословица, будучи диффузной по способу фиксации и обращения, вполне самостоятельна. Она не связана собственно ни с одним теоретическим учением — ни с натурфилософией, которая могла бы дать ее мироощущению единую координацию, ни с идеологией, которая придала бы ее стихийной классовой позиции качество осознанности, ни с этическими учениями, что скоррелировало бы ее оценки и нормы с какими-либо идеалами. В связи со всем этим антропоцентризм пословичного мировоззрения получает качество эгоцентризма.

4. Эгоцентризм пословицы не агрессивен, а умерен и «натурален», ему сопутствуют следующие осознанные закономерности: (а) мир враждебен; (б) одинокий бессилён; (в) труд неизбежен; (г) как ты с другим, так другой с тобой.

5. Сфера, в которой действительна мораль, — это не «человек вообще», и, вероятно, даже не свой класс, а скорее всего так называемая референтная группа. Но и здесь в этой морали (и системе мировоззренческих оценок и норм вообще) естественным идеалом выступает сохранение своего существования, а принципом и эквивалентом хорошего является польза (точнее: избежание убытка).

6. Из этого идеала и этого принципа, а также из постулатов, указанных в пункте (4), в конечном итоге исходят все нормы и оценки пословичной этики: самыми осуждаемыми являются в ней именно те человеческие черты, которыми человек сам себе вредит, особенно глупость, лень и неосторожность, а самыми большими достоинствами считаются, наоборот, ум, усердие,

⁶⁷ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Изд. 2-ое. Т. 20, стр. 21.

⁶⁸ См. также К. С. Давлетов, Фольклор как вид искусства, стр. 216; В. И. Чернов, Философия и фольклор, стр. 6—7.

хорошее здоровье; пословица подчеркивает во всем умеренность и осторожность, она предпочитает пассивность активности, старое новому, знакомое незнакомому и т. д.

Не означает ли присвоение пословице такого мироощущения духовного и морального принижения народных масс как творца истории, носителя социального и морального прогресса, и искажения соответствующих тезисов исторического материализма? Если рассматривать мораль не абстрактно, а в связи с теми историческими и социальными условиями, в которых она выступала, то следует сказать: ни в коем случае. Пословица — прежде всего детище рабовладельческой и феодальной формаций, она является продуктом и отражением жестоких общественных условий ее времени. Она происходит не из времени, когда социальные условия были зрелыми для результативной освободительной борьбы, а из эпохи, когда следовало во что бы то ни стало сохранить себя. «Общественная психология содействует главным образом приспособлению класса, социальных групп к существующим общественным отношениям, в то время как идеология направлена на коренное изменение либо защиту этих отношений»⁶⁹ — но пословица именно и прежде всего проявление не идеологии, а социальной психики. К созданию теоретической идеологии трудящихся масс пришли куда позднее и она была создана не как идеология абстрактных «народных масс» или крестьянства, а как идеология пролетариата. Эгоизм нельзя рассматривать сквозь призму абстрактной «общечеловечности» или «абсолютной доброты», а исключительно только в связи с социальными условиями, которые вызывали его к жизни и обеспечили ему жизнеспособность. «...коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпяченной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой.»⁷⁰ Исторически неизбежными и социально прогрессивными несомненно были как крестьянские войны с временными победами, так и конформистское, отчаянное самосохранение в периоды между этими войнами. Во всяком случае А. И. Титаренко сделал и такое наблюдение: «Интересно отметить и тот факт, что там, где антифеодальное движение крестьянства побеждало и захватывало власть — в Китае, Швейцарии, Норвегии — это вело лишь к замедлению темпов феодального развития или замене династии

⁶⁹ А. И. Анищенко и А. К. Уледов, Структура и функции идеологии и общественной психологии. — Сб.: Методологические вопросы общественных наук. Вып. 2. М. 1971, стр. 107.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 3. М. 1955, стр. 236.

тии.»⁷¹ Мы уверены, что если наши гипотезы найдут подтверждение в дальнейших исследованиях, это поможет лучше понять, насколько огромное влияние оказало возникновение марксистской идеологии на социальное сознание рабочих класс и всего человечества в целом и насколько резкий скачок оно вызвало в прогрессе сознания вообще.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. Достигнутые до настоящего времени результаты в области исследования мировоззрения пословиц более чем скромные как в нашей стране, так и за рубежом.

2. В советской науке исследование проблемы затормозилось двумя серьезными методологически ложными положениями: (1) представлением о том, что мировоззренческие характеристики пословиц можно вывести непосредственно из концепций философской теории, и (2) представлением о том, что пословичные тексты являются семантически простыми, мировоззренчески же открытыми и дефинитными.

3. Существующие характеристики и оценки в связи с мировоззрением (классовыми и нравственными установками и т. д.) пословиц, включая концепции реферируемых в данной работе авторов, а также положения самого автора данной работы, следует рассматривать строго как гипотезы.

4. Адекватное описание мировоззрения пословиц может опираться лишь на тщательное исследование конкретных проблем содержания пословиц вширь и вглубь. В связи с тем, что пословица как виртуальный единичный текст является, как правило, семантически неопределенной, было бы особенно необходимо: (а) кардинальное улучшение (точнее: создание) пословично-семантических методов наблюдения и описания; (б) исследование действительных фактов применения конкретных пословиц как синхронно, так и ретроспективно; (в) базирование исследований на возможно крупных массивах предмета.

5. Из более конкретных направлений исследований перспективными могут оказаться, например, следующие.

(1) В области «чистой семантики»: выработать более надежные методы описания пословичного текста как семантического потенциала, особенно для интерпретации пословичного тропа.

(2) В области «прагматической семантики»: собирать при помощи всех возможных средств, включая социологические методы, дополнительную информацию о действительном применении пословиц, о пословичных актуализациях, выяснить более общие социально-культурные функции пословиц и проследить взаимосвязь с их же коммуникативными функциями.

⁷¹ А. И. Титаренко, Нравственный прогресс. М. 1969, стр. 102.

(3) В области «синтаксической семантики»: получить обзор о явлениях так называемого внутритипового варьирования пословиц и о закономерностях, которые управляют этим варьированием; исследовать связи между текстовым варьированием пословиц и фактами актуализации; продолжить попытки создания содержательных пословичных систем и выработку применимого в них метаязыка.

6. Необходимо увеличить интерес к содержательным и актуальным аспектам в структурной паремииологии, где в данный момент можно наблюдать явную тенденцию в сторону своего рода синтактико-логического формализма.

Труды, опубликованные автором на тему диссертации.

1. Vanasõnade sisulis-tüpoloogilisest klassifitseerimisest (О содержательнотипологической классификации пословиц). — Доклад на симпозиуме филологов Эстонской ССР и Финляндии 15—19 сентября 1971 г. Тезисы: Symposiumi 71. Referaatid — Teesid. 15.—19. 9. 1971. Helsinki 1971, (s. 11).

2. On the Semantic Indefiniteness of Proverbs. — Annual Meeting of the Research Group for Generative Grammar 1971. (Издание Тартуского гос. университета). Tartu 1971, p. 16—18.

3. Zur Problematik der Metasprache als Ausdruck der Bedeutungsstreuung der Sprichwörter. — «Proverbium» 17 (Helsinki 1971), S. 624—626.

4. Vanasõnateksti denotatiivsest määramatusest (О денотативной неопределенности пословичного текста). — Журн. «Keel ja Kirjandus» («Язык и литература») 1974, № 1, стр. 22—29, и № 2, стр. 93—98.

5. Some Difficulties Arising at Semantic Classifying of Proverbs. — «Proverbium» 23 (Helsinki 1974), p. 865—879.

6. On Denotative Indefiniteness of Proverbs. Remarks on proverb semantics 1. Preprint KKI-1. (Издание Института языка и литературы АН ЭССР). Tallinn 1974, стр. 1—48.

7. Some Additional Aspects of Semantic Indefiniteness of Proverbs. Remarks on proverb semantics 2. Preprint KKI-2. (Издание Института языка и литературы АН ЭССР). Tallinn 1974, стр. 1—35.

Другие работы и доклады автора о пословицах.

8. Keelestatistikast eesti vanasõnadest (О статистике языка эстонских пословиц). — Emakeele Seltsi Aastaraamat (Ежегодник Общества родного языка) 13. Tallinn 1967, lk. 127—154.

9. Compiling the Scientific Edition of Estonian Proverbs. — Третий Международный конгресс финно-угроведов (Таллин 17—23 августа 1970 г.). Тезисы. Часть II. Таллин 1970, стр. 96.

Сдано в набор 26/III 1975. Подписано в печать 29/IV 1975. Печ. л. 3,5. 60×90 1/16. Тираж
200 экз. Заказ № 1631. Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юли-
кооли 17/19. I

Бесплатно